

ШЕИНА ПРОГЛАЖ

Бал у Князя или невесты

приключения Жданова Прибаловой

Annotation

Небольшой, в смысле, очень маленький роман, с прологом и эпилогом.

О чем он? О девушке Неждане, и о том, что если тебя пригласили на встречу Нового Года в роскошный загородный особняк, это совершенно не значить, что туда тебе и дорога.

Очень легкая сказка, для тех кто верит в чудо и Магию Новогодней Ночи.

Бал у Князя или невероятные приключения Нежданы Приваловой

...А мне хотелосьвеер с перьями
И две брильянтовы хсерьги.
И платье — белое и длинное,
И жемчуга по подолу,
Чтоб тихо охнула гостиная
И обалдели на балу...
Чтоб, никого не замечая,
Кивнуть небрежно всем подряд
И зябко поводить плечами
В ответ на пепелящийвзгляд,
Влюбленным графом забавляться,
И письма рватьнапополам,
И благодарноулыбаться
Венецианскимзеркалам.
То вдругзадумчивойказаться
И молчаливой, то опять
Чему-то весело смеяться,
Над чем-то громкохохотать...
И танцевать
С Людовиком Пятнадцатым
ИлиШестнадцатым,
Закрытьглаза, уснуть, проснуться -
И остаться...
Екатерина Горбовская

ЧАСТЬ 1

31 декабря каждый год самое суматошное время. Люди мечутся по магазинам в поисках еще не купленных подарков или провианта, запасаясь им в таких огромных количествах, как будто не на одну единственную праздничную ночь, а как минимум на год вперед.

Женщины! Милые, добрые, любимые женщины, последний день года, как правило, проводят у «плиты», выполняя свой женский долг перед семьей, родственниками или друзьями. Ведь новогодний стол должен «ломиться» от блюд, чтоб и в следующем году тоже «ломился». Те из Милых Дам, кому «повезло», в этот день еще и выйти на работу, а некоторым и работать, удваивают свои усилия, а иногда и утраивают. Ведь надо не только на работу успеть во время, поработать хоть слегка, а иногда и очень даже не слегка, но и проводить с коллективом старый год, чашечкой горячего чая или не чая, главное проводить, а не встретить. Затем очень быстро добраться домой, забегая при этом в находящиеся по пути магазины, встать «к мартену», причём последнее обязательно и, отдав свой долг, так сказать «Родине и Семье», умудриться ещё и отлично выглядеть, быть бодрой, жизнерадостной всю новогоднюю ночь искриться позитивом и весельем. Ведь как говорится, как встретишь, так и проведешь.

Меня всегда очень удивляла и напрягала вся эта кутерьма. Казалось, что все люди немного сошли с ума, что завтра дня не будет и все это они проделывают, как в последний раз. Вот, из года в год не проходящее ощущение наступающего Армагеддона. Я не люблю это время. Я, вообще, не люблю суету. Это как на вокзале. Все куда-то спешат, снуют, бегут, боясь не успеть, и ты, заражаясь этой боязнью, тоже начинаешь ускоряться, даже если для этого отсутствуют всяческие причины. Может ты просто погулять вышел, и никуда не торопишься, но сила суеты непобедима. 31 декабря этому яркий пример.

Надо отдать должное, моя семья отличается от остальных. Благодаря маме, в последний день года уже никто никуда не спешит. Всё, что надо было сделать, делается раньше, или позже, или, что чаще всего и бывает, уже никогда. Мама не выносит суету, этим я, наверное, в неё. В последний день уходящего года, она, по её же собственным словам «доставляет себе удовольствия, на которые не хватало времени весь год».

Утро неспешно начинается с чашечки свежесваренного кофе и чёрного шоколада, обязательно в постель, а затем, мама уходит в салон красоты. Став постарше я стала проситься с ней и мама мне никогда не отказывала. Единственным условием для меня, было не отвлекать её во время процедур. Я тоже просила процедуры красоты, и меня стригли или укладывали волосы во что-то стильное и праздничное, приводили ногти и лицо в порядок, хотя в какой порядок нужно приводить лицо семнадцатилетней девушки?! Ничего особенного. Но само нахождение нас с мамой не «у мартеновской плиты», как все, а в салоне красоты, было для меня действием завораживающим, на праздничное настроение настраивающим. Это был день, проведённый себе в удовольствие, был символом другой, отличной от всех остальных, жизни, маминой жизни, ну, и моей, разумеется.

Следующим в списке обязательных предпраздничных дел было посещение театра. Сам театр, его атмосфера, празднично одетые люди, все это вместе создавало и у нас настоящее праздничное настроение. Папа обязательно составлял маме компанию, в не зависимости от

того, в театр были куплены билеты или планировалось посещение концерта в филармонии, или выставки любого из возможных направлений искусства. В этот день мама не признавала только кино. «Слишком обыденно», — считала мама, и никто не решался с ней спорить. Раньше я с сестрой и братом в этот день ходили на утренний сеанс в кино, а затем до вечера отправлялись к бабушке. После театра, родители гуляли по вечернему городу. Маму завораживает город в огнях неоновых вывесок и новогодних гирлянд. Зайдя в кафе, они с отцом пили шампанское и ели мороженное, после чего возвращались за нами к бабушке, а затем уже все вместе мы направлялись встречать Новый Год.

Как правило, мы встречали Новый Год в гостях. У родителей много друзей. Каждый год кто-то приглашал нас в гости, и мы дружно отправлялись веселиться и танцевать всю ночь. Мама не любит встречать Новый Год дома. Она обожает возвращаться утром домой, в чистую и уютную квартиру, где все мы спим до полудня первого января. Ну, и по давно сложившейся традиции, первого все кто хотел продолжения праздника, ближе к вечеру собираются у нас. Это всегда весело, звучит музыка, все танцуют, часто переодевшись в какой-нибудь карнавальный костюм.

Я так привыкла к нашим совместным праздникам, что даже опешила, когда, незадолго до новогодней ночи, мама сказала, что мне пора встречать новый год со своими друзьями, как это делает мой старший брат Алик. Нас в семье трое детей Алексей, или просто Алик, Лиса и я. Окончив политехнический институт, Алик попал в солидную фирму, так называемым, «компьютерщиком». Он день и ночь разрабатывает для них различные программы и другую ерунду, которой нет у конкурентов, а они, в смысле, фирма, платит Алику приличные деньги. Вполне приличный, не только по моим понятиям, заработок дает возможность брату проводить новогоднюю ночь с друзьями в ночном клубе или дорогом ресторане. У старшего брата есть девушка, и, как я недавно узнала, не одна. Он давно самостоятелен, а наша семья уважает границы его личной жизни. После того как выяснилось, что девушек у Алика значительно больше чем одна, все переживали, что скажет мама. Мама у нас в семье, вообще, авторитет непререкаемый. Так вот, мама, узнав об этом только улыбнулась, и сказала Алику: «Надеюсь, сынок, твоё определение своей «единственной», пройдёт вне стен этого дома?» Алик тогда ничего не ответил, только глаза потупил, как будто ему действительно стыдно, что всё это дошло до мамы, и всяческие звонки в нашу квартиру прекратились. Со своими девушками мой старший брат решает все свои вопросы на нейтральной территории.

С Аликом у меня отношения хорошие, но не близкие. Мы уважаем увлечения и пространство друг друга, но никогда не вникаем в чужую жизнь. Его проблемы я решить не могу, а со своими обращаться не ловко.

Слава Богу, меня никто никогда не обижал и не задира, что давало возможность не тревожить Алика всякой ерундой. Все в округе знали, что нас в семье трое и у нас есть Старший Брат, который, кстати сказать, одно время занимался рукопашным боем. Само по себе это, каким-то волшебным образом, возымело действие на местную шантрапу и нас с Лиской никогда не трогали.

Василиса, или попросту Лиса, наша средняя сестра, ежегодно отправлялась с такими же, как она сама «бордистами» в Карпаты, или любой другой горнолыжный курорт, встречать Новый Год. У них большая устоявшаяся компания, которая старается «вырываться» из дому, как только появлялась такая возможность. Мои родители, предварительно познакомившись не только со всеми участвующими в Лискиной тусовке, но

и с их лидером и по совместительству тренером Владимиром Павловичем Забродским.

Тренер произвёл на родителей очень хорошее впечатление своей преданностью «детям» и сумасшедшей ответственностью. С тех пор, если Лиса уезжала куда-то с группой под руководством Забрдского, родители отпускали, что называется «не глядя». В этом году вся компания собиралась гонять на своих «бордах» в более доступном по ценам курорте Васюкивки. Мы проводили Лиску и её друзей еще 30 декабря, посадив на автобус, следующий прямо по маршруту. Мне же в этом году предстояло окончить школу, и потому я никуда не рвалась, памятуя о необходимости в скором времени готовиться к поступлению в ВУЗ.

Я ничего не планировала на новогоднюю ночь, решив встретить ее с родителями и их друзьями. Мне действительно направится встречать Новый Год в кругу маминых и папиных друзей. У них всегда весело, и встреча каждого следующего Нового Года не похожа на предшествующую. Все заранее готовят костюмы. Иногда объявляются тематические вечеринки: «пиратская», «гангстерская» или «сказочная». А иногда кто во что горазд. Взрослые всегда запускают фейерверки, зажигают бенгальские огни много и шумно танцуют. Когда вечеринка идет на спад, мама поёт. Это не рушимая и устоявшаяся традиция. У мамы приятный, глубокий голос. Аккомпанирует ей, тоже уже традиционно, муж тёти Светы, дядя Серёжа, профессионально владеющий гитарой. Очень редко мама аккомпанирует себе сама, справедливо считая, что Серёжа играет лучше. Как-то раз традицию нарушили, и мама не пела в новогоднюю ночь, потому как простудилась и сильно хрипела. Как по заказу весь год были сплошные треволнения и неприятности. Во избежание подобного в дальнейшем, мама обязательно поёт, хотя бы одну песню. Песню оберег, как она её называет. Но где одна там и остальные. А затем к маминему голосу присоединяются и все гости праздника. Вечер получался веселый в начале и очень душевный в конце.

Однако, не задолго, до этой самой долгожданной ночи, мама, стоя на кухне и заваривая свежий чай после ужина, начала неожиданный для меня, разговор.

— А скажи мне, Красавица, что ты планируешь на Новогоднюю Ночь?

— Ничего особенного, — ответила я, — как обычно пойдем в театр, потом в кафе, есть мороженное, а потом в гости. Ты на что взяла билеты?

— Билеты... — мама задумалась, как будто мысли её упорхнули далеко и она последовала за ними. — Билеты? Какие билеты? Ах, билеты! В этом году мы идем в филармонию, на концерт симфонического оркестра. Правда будет «Штраусбал», но всё равно ничего другого на этот день не было.

— Папа будет в шоке, — сказала я.

— Будет, будет, — задумчиво ответила мама, — ему полезно.

Создавалось впечатление, что мысли мамы находятся где-то далеко и со мной она разговаривает по инерции.

— Знаешь, детка, — сказала мама, разливая по чашкам ароматный чай, — тут утром приходил к тебе молодой человек. Приглашение принёс, на встречу Нового года. Я так понимаю, компания собирается, — продолжила мама, доставая из шкафчика печенье и конфеты, — молодой человек, Владом представился, очень просил тебя к ним присоединиться.

— Влад?! — сказать, что я была удивлена — это ничего не сказать. Я была в шоке. Никогда раньше моя скромная персона не вызывала интереса ни мажора Влада, ни кого-то из его компании. — Ма, а ты ничего не путаешь? — это точно Влад?

— Да, Влад, Влад! Вот сама посмотри на приглательном билете всё написано.

— А где пригластный? — спросила я, запихивая в рот уже вторую печёнку.

— Там в прихожей на тумбочке лежит, тебя дожидается, — ответила мама.

Я сползла с диванчика и поплелась в прихожую. Очень не хотелось, что бы это оказалось правдой, но моё шестое чувство подсказывало, что мама не ошиблась и приглашение действительно от Влада.

В прихожей на самом краю тумбочки лежал конверт с, отпечатанным типографским способом, пригластным. В этом самом приглаственном сообщалось, что мне, как особе, лично Владом приглашенной, необходимо прибыть по указанному адресу не позднее 23 часов, для встречи Нового Года «в узком дружеском кругу». Когда я стала вхожа в «узкий круг», я понятия не имела. Да и не хотелось мне, если честно, туда входить.

Влад был высокомерен, хоть старался этого не показывать, и был с «народом» почти на равных. Вот это «почти» меня сильно напрягало. Ты или на равных или на Олимпе, а игры в снизошедшего до нас небожителя, я не понимаю и не приветствую. Но сегодня, как выяснилось, моё мнение никого не волновало.

— Мам, я не хочу с ними. Я с вами пойду, — заявила я, прочитав приглашение несколько раз и не поверив ни одному его слову.

— Ну, вот ещё! — ответила мама, — придумала тоже. Там молодёжь собирается, танцы, веселье. Надо пойти, Нежа, не красиво, отказываться. Мальчик так просил, что бы ты пришла. Я обещала с тобой поговорить.

— Считай, что поговорила. Я не хочу!

— Что, всё так плохо? — спросила мама.

Мама у меня любящая и все понимающая. Она никогда на нас не давит своей властью, а власть в семье находится именно в её руках. Мама умеет убеждать. И делает это очень не навязчиво, вызывая к логике и здравому смыслу. А кто поспорит с логикой, то есть с мамой, тому дороже выйдет.

— Да, нет. Не плохо, — сказать маме, ещё хуже, язык не поворачивался. — Просто мне с вами лучше будет.

— Солнышко, откуда ты знаешь, где тебе будет лучше, если ни разу не встречала Новый Год отдельно от нас? Может, именно там тебе и будет лучше? А? Подумай, дружочек. Время еще есть. А не понравится в новой компании, позвонишь нам, и дядя Слава заберёт тебя в любое время. Ты же знаешь, Слава даже шампанское не пьёт, и новогодняя ночь для него не исключение.

— Знаю, знаю.

— А если знаешь, то иди и подумай в чём Новый Год встречать поедешь?

— Всё равно не хочется. Мне с вами привычней будет.

— Кто бы спорил?! Но привычки надо менять, моя дорогая. Хватит возле маминой юбки сидеть. Пора и самой в свет выбираться.

— В свет ли? — пробурчала себе под нос, прямоком направившись в свою комнату.

Надо было подумать с какого такого «перепугу» Влад пригласил меня встречать Новый Год в свою компанию, да еще так официально. На приглашении, указывался не только адрес, где будет проходить «сейшем», но и контактный телефон, для урегулирования всех возникающих вопросов. Вот по нему я и позвонила.

— Привет, — ответила мне телефонная трубка, приятным женским голосом.

— Привет, — проговорила я.

На том конце телефона затихли в ожидании, и мне надо было, что-то сказать. Ведь это я звонила, а не мне.

— Я, Неждана Привалова, — сказала в трубку, чувствуя как глупо, это может звучать со стороны.

— Ага, Неждана. Очень рада тебя слышать. Я, Алиса, координатор праздника. Ты звонишь подтвердить свое участие?

— Нет. То есть да. Я не знаю — промямлила в трубку телефона, заливаясь ярким румянцем от своей глупости.

— Вот как! Неждана, надеюсь, ты в ближайшее время определишься и присоединишься к нам.

— Алиса, — жалобно протянула в трубку, — я ничего не понимаю. Это приглашение для меня полная неожиданность. Может здесь какая-то ошибка? Я не настолько близкий друг Влада, что бы он приглашал меня «встретить Новый Год в узком кругу друзей», процитировала с приглашения.

— Неждана, — голос на том конце был спокойный и доброжелательный, — не волнуйся. Никакой ошибки быть не может. Ты действительно есть в списке приглашенных. Это будет просто вечер. Влад, решил устроить грандиозную вечеринку по случаю своего Дня Рождения. 1 января ему исполняется 21 год. Так сказать, полное совершеннолетие. Родители у Влада, сама знаешь кто, и возможности у них соответственные. Вот сыночек и решил воспользоваться. Для грандиозной вечеринки мало иметь возможности, нужны еще и участвующие, правда?

— Правда, — озадаченно ответила я.

— А раз, правда, тогда не парься. О том, что поводом послужил День Рождения, а не встреча Нового Года, Влад просил не говорить. И еще, никаких подарков имениннику. Это обязательное условие. Ведь празднование Дня Рождения тайна, — на последних словах она усмехнулась.

— А какие еще условия?

— Явится с хорошим настроением, по оговоренному адресу, в любой удобной для тебя одежде. Встреча будет хоть и праздничная, но неформальная. Да, и если хочешь, захвати с собой торт.

— Торт? Какой?

— Ну, думаю, «Киевский» будет в самый раз, или что-нибудь на него похожее. Наш именинник большой сластена, особенно по части всяких тортов и пирожных, с безе и орехами.

— Ладно, захвачу с собой торт, — ответила я, все еще плохо соображая.

— Вот и славно. Я отмечу, что ты будешь.

— Хорошо. Но я скорей всего опоздаю. Мы с родителями идем на концерт, потом еще в кафе и...

— Я поняла тебя, — перебила меня нетерпеливая Алиса, — главное приедешь. Внимательно посмотри на пригласительный, там указан точный адрес. Если что, звони. Тебя встретят, — разговор прервался и она отключилась.

«Как-то всё странно с этим праздником. Приходи в чём хочешь на День Рождения, но без подарка», — подумала я. — Нет, я решительно не понимаю, зачем Владу на Дне Рождения моя персона. Для количества?! Так у него пол института в друзьях и еще половина мечтает туда попасть. Какое я ко всему этому имею отношение?! И самое непонятное для

меня, почему приглашение принес сам Влад. А может и не Влад, — пришла мне в голову мысль, — мама ведь документы этого парня не смотрела, а назваться можно как угодно. Не настолько мы близко знакомы, что бы Он лично принес мне приглашение».

Я несколько раз была в его компании благодаря вездесущей Лиске. Сестра моя настолько общительна, что при желании способна попасть куда угодно и к кому угодно. А самое главное, чувствовать себя там будет, в этом где угодно, как «рыба в воде». Лиска периодически берет меня с собой на разнообразные тусовки. Единственное куда вход мне строго воспрещен — это к её «сумасшедшим бордистам».

Я, как человек к спорту относящийся с уважением, но на расстоянии, в любимую компанию сестрицы не вписываюсь. Меня не гонят, но не приглашают. Лиска фанатеет от снега и скорости, а я чувствую себя неуклюжим бегемотом, среди всей этой спортивной братии. Летом, вся компания едет кататься на досках. Я же, если еду с ними, загораю и плаваю не далеко от берега. Я, конечно, понимаю пользу от занятий спортом, и даже сама занимаюсь, но не больше необходимого минимума. Три раза в неделю фитнес, иногда бассейн, или бадминтон, если мы выехали на пикник, неплохо катаюсь на велике и роликах, но строго в своё удовольствие и никак иначе.

Раздумывая над сложившейся ситуацией, я рассматривала репродукцию картины Владимира Боровиковского «Портрет Марии Ивановны Лопухиной» и думала о предстоящем празднике. Мысли метались от красавицы на портрете к вопросу, что одеть на вечеринку. Красавица смотрела слегка прищуренным взглядом на меня и гору одежды, вывернутую из шкафа на пол.

— Да, дорогая Мария Ивановна, — обратилась я к барышне на стене, — понимаю Ваше недоумение. В Ваше время всем этим занимались камеристки или горничные. А мне вот, самой приходится весь этот хлам перерывать. Господи! Ну, что ж это такое, — продолжала я свои стенания, — куча тряпок, а что одеть не понятно.

Обычно такие актуальные вопросы как куда пойти и что надеть решались Лиской легко и просто. Она всегда знала, куда следует идти и что при этом одеть, чтобы выглядеть комфортно и к месту. Я целиком полагалась на её, в решении этих вопросов. Сейчас, когда сестра была далеко, я стала перед не простой задачей, решение которой рано или поздно, встает перед каждой девушкой, что одеть. Можно было, конечно, спросить совет у мамы, но это означало бы мою полную некомпетентность в данном вопросе. Я сидела на полу и перебирала вещи. Ничего толкового не складывалось. «И как только мама, да и Лиска, так классно из ничего делают себе наряды?», — думала я, горестно вздыхая при этом.

В комнату заглянула мама и, увидев дочь, в полной растерянности, сидящую в ворохе вещей решила спросить: «Помощь не требуется?»

— Хотела сама справиться, — ответила я, продолжая перекладывать вещи с места на место, — но что-то не получается.

Мама застыла на пороге комнаты. Еще некоторое время я разглядывала беспорядок из своих вещей, а мама наблюдала за мной.

— Хочешь, вместе попробуем решить твою проблему, — предложила она.

— Наверное, уже хочу, — ответила я, оттолкнув от себя навалившуюся кучку разнообразных свитеров и кофточек.

— Тогда давай будем думать, — сказала мама. — Ты идешь на праздник, так?

— Так, — без энтузиазма ответила я.

— Раз это праздник, значить одежда должна отличаться от повседневной. Ты со мной

согласна? — опять спросила мама.

— Согласна, — вздохнула я.

— Нежа, почему ты все время вздыхаешь?

— Мама, вот почему у тебя все так легко получается с этой одеждой? А для меня это проблема, — высказала я то, что накипело за время бесполезного перекладывания вещей с места на место.

— Это своего рода искусство, всегда хорошо и достойно выглядеть, но ты не волнуйся, азы мы с тобой сейчас разберем, а дальше интуиция подскажет.

— А вдруг у меня нет интуиции? — решила слегка поспорить я.

— Есть. У тебя она точно есть, тебе только осталось научиться, к ней прислушиваться.

— Всего то, — съехидничала я.

— Ага, — мама нарочно не заметила моё ехидство. — Так, первое правило, включаем мозг.

— Зачем? — не сильно, но всё-таки удивилась я. У мамы все, так или иначе, начиналось с работы мозга.

— Чтобы не выглядеть глупо, — ответила мама, как отрезала. — Итак, первое мы выяснили. Помнишь, первое отвечает на вопрос, куда идем — на праздник. Одежда праздничная. Второй вопрос — где все это будет происходить? — мама замолчала и выжидательно посмотрела на меня.

— В коттедже, — ответила я.

— Ну, что ж, — сказала мама задумчиво, — это упрощает дело. Малыш, а в чем ты чувствуешь себя наиболее удобно и неформально? — спросила мама и тут же добавила, — пижаму, тапочки и другие не принятые в обществе вещи мы сразу исключаем.

Эта фраза подбила мою фантазию под дых, я уже собиралась рассказать о своих любимых розовых тапочках с кошачьими ушками и глазками, а так же затасканном домашнем костюме с огромным слоником на животе и кучей таких же маленьких на штанах. Этот костюм не раз был предметом горячих споров. Мама настаивала на его замене, а как-то даже хотела выбросить, мотивируя свой поступок тем, что: «Избавившись от старья, ты освободишь место новому», но ни тут то было. Я, во всех остальных отношениях человек не конфликтный, решительно отстаивала свои интересы: первый, из которых, право выбора, а второй — нерушимое право частной собственности.

Послушав моим вопли, мама сказала, что быть мне в будущем юристом, и носить мне своих слоников до самой пенсии. На чем и разошлись.

Теперь вспоминая наш горячий спор, я улыбнулась и сказала: «Ладно, мама, как скажешь. Если без пижамы и тапочек, то так тому и быть. Подберем, что ни будь менее экстравагантное, но заметь, и менее комфортное».

Мама рассмеялась в ответ на мои шуточные стенания.

Я перемерила несколько нарядов. и остановившись на слегка блестящих голубых брючках, а ля джинсы и шелковой тунике светло розового цвета. Наряд дополняли тоненькие сапожки цвета фуксии, на невысоком, но устойчивом каблучке.

— Это то, что надо, — радовалась я, — и удобно и комфортно.

— Тебе очень идет, — улыбнулась мама и обняла меня за плечи, — ты у меня такая красавица.

После того как был решен важнейший вопрос всех женщин мира: что надеть, вопрос идти или нет, отпал сам собой.

«Иду, значить иду. Что тут поделаешь, когда все вокруг так настаивают. Если мне не понравится, в чем я лично не сомневалась, позвоню домой. Пускай забирают, раз обещали», — вот такие светлые мысли посещали мою голову накануне торжества.

Возвращаясь из салона красоты, мы зашли в магазин сладостей и выпечки. Разнообразие радовало глаз, но «Киевских» тортов не наблюдалось.

— А что вы можете порекомендовать вместо «Киевского» тортика, нам с безе и орехами, — спросила мама у продавщицы.

— Вот, могу предложить «Графские развалины», не совсем то, конечно, но безе и орехи присутствуют, или «Троянда», самый ближайший аналог «Киевского», но в рецептуре есть некоторые отличия.

Мы внимательно изучили возможные варианты и единодушно сошлись во мнении, что «Троянда» лучше. Очень милый круглый торт, кроме шикарной надписи «Троянда», украшали три розы: желтая, розовая и почти белая.

— Прекрасный выбор, — сказала продавщица, перевязывая коричневую с бежевым рисунком коробку, широкой лентой, — приятного аппетита и счастливого Нового Года.

— Спасибо. И вам счастливых праздников, — ответила мама.

Я взяла коробку с тортом за завязанную ленточку.

— Мама, как думаешь, это правильный выбор. На торте розочки, — засомневалась я.

— Это правильный выбор, — повторила мои слова мама, — что за привычка во всем и всегда сомневаться?! Сама подумай и торт, как хотел именинник и букет цветов. Как в рекламе говорить: «Два в одном».

Я улыбнулась и потерлась носом о её щеку. «Она у нас умница, красавица, уверенная в себе оптимистка. И нас этому учит. «Можно сомневаться пока не сделал, говорит мама, — а если сделал, то, зачем сомневаться?! Пожинай последствия».

— Ты права. Все-таки дарить развалины на День Рождения, пусть даже и графские, совсем как-то не комильфо будет, — ответила я, вдыхая родной и близкий запах мамы с едва уловимым ароматом новых духов.

— У тебя новые духи? — спросила я, немного отстраняясь и заглядывая в глаза.

— Да. Сделала себе подарок к празднику. Нравится?

— Очень. Дашь попользоваться на Новый Год?

— Обязательно, — ответила мама и чмокнула меня в нос. — Идём, дорогая, у нас впереди самый лучший день в году.

— Ещё и вечер, — подхватила я.

— Ещё и ночь, — не осталась в долгу мама.

Мы еще немного погуляли по предновогоднему городу и отправились домой. Запланированные на этот день маленькие и большие радости не могли больше ждать.

Вот так в атмосфере ожидания праздника и пролетел последний день декабря. Мне вызвали такси и, посадив в него, велели обязательно звонить, не скучать и хорошо провести время. Дверца машины хлопнулась, машина мягко тронулась, унося меня в новогоднюю ночь и оставляя у дома моих родителей. Стало немного грустно.

— Почему загрустила, Красавица? — спросил водитель, ловя мой взгляд в зеркало заднего вида.

Врать ему не хотелось, говорить банальности тоже.

— Грустно, потому, что это первый Новый Год, который я встречаю отдельно от своей семьи.

— Это родителей тебя провожали? Красивая пара, — сказал дядечка водитель, — не грусти. Вот увидишь, все будет хорошо. Хочешь, могу поискать что-то новогоднее по радио.

Я улыбнулась в ответ и не стала ничего говорить. А что говорить?! На что жаловаться?! Раз сама согласилась, теперь не жалуйся. Я смотрела за окно и ничего не видела, только огоньки от гирлянд и неоновый свет рекламы. Тонированные стекла и достаточно большая скорость не позволяли рассмотреть что-то еще.

— Не нравится мне твое настроение, — через некоторое время сказал водитель. Он пощелкал каналы магнитолы и, услышав мелодию остановился.

— Не знаю как тебе, а мне новогодняя песня АВБА, всегда нравилась. Давай послушаем. Я сделаю немного громче.

Из динамиков лилась знакомая мелодия, и приятный голос пел о счастливом Нового Года. Я ехала и ни о чем не думала, просто расслабилась под звуки знакомой и такой уютной музыки. «А может, я зря грущу. И все что не делается, все к лучшему», — думала я, и как подтверждение моих мыслей сразу после АВБА, зазвучала веселая песня Верки Сердючки «Хорошо».

— Видишь, девонька, даже по радио передают, что всё будет хорошо. Так что не грусти, мы почти приехали.

Машина свернула к ярко сверкающему коттеджу. Оставалось несколько метров до ворот. Я набрала номер мамы, потом папы, но они не брали трубку, видимо не слышали, готовясь встречать Новый Год. «Интересно, куда они в этом году пойдут, и каким будет их праздник», — думала я, набирая текст сообщения о том, что добралась без приключений. Кто бы знал, как я в этот момент ошибалась!

— Спасибо Вам большое, — сказала я добродушному водителю, — и с наступающим праздником!

— И тебя с наступающим, дочка! Счастливого повеселиться! — сказал водитель, развернул машину, посигналил мне напоследок и уехал.

Я осталась одна, на заснеженной улице, в трёх шагах от празднично украшенного дома, с тортом в руках и сомнениях в душе.

«А, была, не была. Чего приехала, если сомневаешься, — мысленно одернула я себя, — соберись тряпка, возьми себя в руки. Где твоя улыбка? — продолжала я себя чихвостить. — Ты ж не на поминки приехала, а на праздник. Так вот, будь добра соответствовать!»! На этой ударной ноте я бодро пошла к дому. До Нового Года оставалось совсем ничего и если я продолжу само копания, то есть большая вероятность встретить его в компании тортика, на улице.

В дом вела широкая лестница, в неверном свете фонарей, очень напоминающая мрамор. «Не думаю, что это действительно мраморная лестница, но идти следует очень осторожно, — рассуждала я про себя, аккуратно поднимаясь со ступеньки на ступеньку. — Может быть скользко. Мрамор, вообще, очень скользкий. А тут снег, — у меня начался мысленный понос, — везде снег. Лестница хоть и почищенная, но может быть скользкой, а я на каблуках. Вдруг поскользнусь и упаду. Нос разобью, или еще лучше, ударюсь головой и потеряю сознание».

Я не успела остановить этот мысленный поток, как нога соскользнула со ступеньки и я, не удержавшись, полетела вниз. Только тортик перед глазами и засверкал.

«До каркалась, в смысле додумалась», — была последняя связная мысль, и я погрузилась в темноту.

ЧАСТЬ 2

— Оу, ты пришла в себя, моя дорогая! Слава Богу! — воскликнула незнакомка. — Давай поднимайся скорее. Нечего разлеживаться на холодной лестнице. Еще заболеешь, а мне потом отвечать.

— Вы кто? — спросила я женщину и попыталась встать.

— Не так резко, моя милая. Вот так. Понемногу. Обопрись на мою руку. Теперь поднимайся. Молодец! Ты справилась. Теперь тебя следует отряхнуть от снега и можно идти.

— Куда идти? Подождите, пожалуйста. Скажите кто вы, и куда меня ведёте?

— Смотри, как тебя приложило, об этот чертов мрамор, чтоб ему пусто было, — странно выругалась женщина. Потом заглянула мне в глаза и, увидев там непонимание, сказала: «Дорогая, я Роза», подхватила меня под руку и повела вверх по ступенькам.

«Странно, — пришла ко мне в голову мысль, — когда я только начинала по ней подниматься, лестница казалась совсем небольшой, ступеней десять, максимум двенадцать, а теперь она просто уходит в небо».

Мы не спеша поднимались вверх по бесконечной лестнице, а я все думала, почему же лестница не заканчивается.

— Ну, что пришла уже в себя? — спросила меня странная женщина и опять заглянула в глаза.

Я не знала, что ей на это ответить. Вот честно, не знала и все.

— Куда мы идем, Роза, — спросила я, не надеясь, что ответ хоть немного прояснит ситуацию.

— На бал, куда же еще столько подниматься, — слегка ворчливо ответила Роза, — но ты не должна расстраиваться раньше времени. Это того стоит.

«Не стоит идти на бал или расстраиваться раньше времени, — подумала я, — и что из этого того стоит?»

Так как не высказанная мысль осталась без ответа, мы продолжили не спеша подниматься вверх по бесконечным ступеням.

— Что Это, Роза? что не стоит того? — мне показалось, что если я обращаюсь к женщине по имени, она охотней отвечает. Правда мне все равно ничего еще не понятно, но надежда, как известно, умирает последняя, а я умирать не собиралась.

— Да, все, дорогая. Все. И этот подъем бесконечно долгий и другие неудобства. Все это стоит твоего терпения потому, что бал прекрасен.

«Так, спокойно, — сказала я сама себе, вернее, подумала. Ехала на вечеринку, а приехала на бал. А, что?! Вполне возможно. Чего только нашим мажорам в голову не придёт?! Захотел Влад назвать неформальную вечеринку — Балом, вот вам, пожалуйста. Бал, едрить твою в качель!», — смачно в мыслях выругалась я, и на душе как-то сразу полегчало.

— Смотрю, ты успокаиваешься, — приободрилась Роза, — такими темпами мы скоро уже дойдём.

— Роза, а долго еще? — тоскливо глядя в бесконечную высь, спросила я.

— Как будешь готова, так сразу и придем, — ответила словоохотливая женщина.

— В смысле, готова? — уточнила я.

— В прямом, дорогуша! В каком же ещё. Ты, что думаешь мне в радость по этой лестнице карабкаться? В моём-то возрасте...

Я внимательно посмотрела на Розу. Справедливости ради надо сказать, что Роза даже не запыхалась, хоть поднимались мы уже довольно долго.

— Ты пока все не вспомнишь. Кто, куда, зачем и почему — мы не бал не придем, — сообщила румяная Роза.

— Так я все помню, — сказала уверенно и, остановившись на очередной ступеньке произнесла. — Я, Неждана Привалова, ученица 11 класса средне образовательной школы, приехала на вечеринку, по личному именному приглашению местного мажора Влада.

Роза задумалась, улыбнулась и сказала: «Мажора! Это ж надо придумать. Так Влада еще никто не называл».

— Вот еще, — возмутилась я, — как это не называл. Его так все называют. За глаза, естественно, кто такое в глаза скажет?! Но это не я придумала. А жаль. Ему очень подходит.

— Мажор, — Роза смаковала слово на вкус, — в разное время его называли по-разному: граф, князь, древний, великий.

Роза опять задумалась, потом что-то вспомнив, свернула перечисления, — по-разному называли Влада, но, что б мажором?! Впервые слышу.

Я не стала возражать, ноги гудели, а лестнице не видно было конца: «Великий, так великий, — подумала я, — эка невидаль. С его-то возможностями можно и великим назваться. Среди нас так уж точно — ВЕЛИКИЙ».

— Так, Роза дорогая, — взяла я ситуацию в свои руки. — Давай по порядку.

— Давай, дорогая. Давно пора, — Роза светилась от счастья.

— Что не так? Мы никак не придем, на этот чертов бал. А идем уже долго. Ты понимаешь, в чем дело, а я нет. Может, просто расскажешь мне все, и придем уже, к Едроне дедушке.

— Сама рассказать не могу. Но, отвечу на любые твои вопросы, — и, увидев мой изумленный взгляд, добавила, — без ограничений, но прежде ты мне скажи, дорогуша, что это за дедушка такой Едрон?

— Понятия не имею, — неопределённо пожала я плечами, — выражение такое. Устойчивое.

— Жаль. Очень жаль, — огорчилась Роза, а я уже решила, познакомишь, — и она лукаво стрельнула глазками из-под странной шляпки.

Я решила переходить к решению наиболее срочных проблем и перешла к опросу своей визави.

— Отлично. Итак, начнем сначала. Ты кто, вообще такая? Кроме того, что звать тебя Роза, я не знаю ни кто ты, ни откуда взялась, ни почему со мной возишься?! Ответить сможешь?

— Конечно. Я, моя дорогая девочка, Сиятельная Роза Таврическая. Твоя тетя на этот вечер, кстати сказать.

— Тётя? Что-то я не припомню в родственниках сиятельных Дам, — сказала я.

— Не перебивай! Так, о чем это я?! Ах, да! Ты у нас кто? Девушка на выданье. То есть девушка невинная, не замужняя, жениха не имеющая.

Я кивнула головой. Пока все правда и про невинность, будь она неладна, и про

замужество, гори оно пропадом, и про женихов, провалится им в болото.

Сиятельная Роза подождала, пока я перестану кивать своим мыслям, как китайский болванчик, и продолжила свою речь.

— А кто сопровождает невинную деву на бал? — спросила Роза.

— Родители, — ответила первое, что пришло в голову.

— А если родители заняты? — продолжала задавать наводящие вопросы Таврическое Сиятельство.

— Чем это заняты? — искренне возмутилась я. — Ничем таким мои родители не заняты, что бы ни сопроводить, как ты говоришь, свою дочь на бал.

Я очень внимательно посмотрела на Розу и сп- Заняты, еще как заняты! У них сейчас пижамная вечеринка в самом разгаре. Зря, что ли твоя мама сегодня две новые шёлковые пижамы приобрела?! Себе и супругу. У них сейчас самый смак начинается.

— А ты откуда знаешь? И про пижамы и про вечеринку, и про смак? — стала допытываться я, — даже мне ничего об этом не известно. Так, что как там говорили Немирович и Данченко: «Не верю»!

— И не очень-то мне нужна твоя вера, — обиделась Роза. Потом повернулась ко мне и победно произнесла, — пижамы?! Я сама видела, как твоя мама из магазина пакет выносила. А все остальное догадалась.

росила: «Где это ты видела пижамы в пакетах

— Так в машине и видела. Когда мама попросила тебя подождать её минуточку, пока она в магазин за подарками заскочи»?т. Помнишь?

— Помню. Но в машине я была одна и ты ничего не могла видеть, — сказала я, но посмотрев в лукавые глаза женщины задумалась.

— Скажи, ты ведь сама видела эти пакеты? — задала очередной вопрос я.

— Лично, — кивнула головой в подтверждение своих слов Роза.

— Ты была где-то на улице, рядом? — решила я поиграть в «догадайку».

— Нет, — ответила женщина.

— А где? — не могла понять, в чём подвох, я.

— В машине, — устало сказала Роза, — рядом с тобой.

— Но, рядом со мной в машине никого не было, — голос срывался на крик. — Мама вышла в магазин, ключи остались в замке зажигания. Я сидела на заднем сидении с тортом на руках.

— Умница! — закричала Роза, — узнала все-таки меня, молодец. Я думала, не догадаешься.

— Так ты торт? — спросила я.

— Да, — просто ответила Роза.

— А знаешь, Роза, ты права. Сильно меня видать об ступеньку приложило. Вот теперь с тортом на бал ползу.

— Не расстраивайся. Как бы ты на бал попала, если б тебя не приложило?

— А и действительно, — ответила я, — как еще можно на бал попасть, если только тебя не стукнет хорошенько по голове. По-другому, в наше время, на бал точно не попасть.

Роза заподозрила недоброе. Моё поведение не внушали ей доверия, а произносимая речь, откровенно пугала.

— Ты мне не веришь? — спросила Роза.

— Почему же не верю? Верю. Тебе верю, а себе нет.

Я присела на ступеньку и огорченно вздохнула.

— Скажи, может я в коме? Лежу где-то на улице и некому сообщить родителям, что со мной беда случилась.

— Вот дурёха! Какая кома, какая беда?! Мы на пороге бала. Хотя, — Роза грустно улыбнулась, — если ты в это не согласишься, на бал мы может и не попасть.

— Я должна верить? — переспросила я и преданно посмотрела в глаза женщине.

— Обязательно. Без твоей веры ничего не будет.

— Вообще, ничего?

— Для тебя ничего, ну, и для меня тоже. А я так хочу на бал. У князя, Влада Цепеша в этом году какая-то очень большая и очень круглая дата. Когда еще такая возможность представится, неизвестно. А ведь больше могут и не позвать. Обидно.

Роза присела рядом со мной на ступеньку бесконечной лестницы. Полы её длинного плаща подбитого темным мехом распахнулись, и на ветру мелькнуло легкое бальное платье цвета темного шоколада, расшитое бежевыми лентами.

— Твоё платье очень похоже на коробку из-под торта, — заметила я.

— Конечно, похоже. Я же не могу по своему желанию сменить наряд. Но мне мой очень нравится.

Я посмотрела на грустную женщину, сидящую в бальном платье на ледяной ступеньке. Это так не вязалось с окружающей нас обстановкой, что в голову сама по себе пришла мысль: «А, что, собственно говоря, я теряю? На бал я уже почти дошла. Роза со мной. Домой мне рано. У них ведь там пижамная вечеринка. Для взрослых. Вот почему мама так настоятельно рекомендовала поехать мне на этот праздник!» На смену унынию пришел азарт.

— А, чем я хуже? — вслух спросила у Розы.

Они там пижамятся, а нам на холоде сидеть?! Идем, Роза! Нам давно пора на бал! Как ты говоришь, зовут хозяина?

— Влад Цепеш, — ответила Роза, поднимаясь и отряхивая упавшие снежинки. — Вот давно бы так. Пошли уже. По дороге поговорим. А на родителей не злись. Нет у них никого. Сами дома остались. В вдвоём. У них сегодня романтическая Новогодняя Ночь. Взрослая уже, понимать должна.

Мне стало стыдно за обиду на родителей. «Как глупо. Они действительно все время с кем-то из нас. Чаще всего со мной. Им вдвоём побыть некогда».

— Хватит уже самобичеванием заниматься, — одернула меня Роза.

— Ты что, мои мысли читаешь?

— Нет. Я их слышу.

— Обалдеть! — аж присвистнула я.

— И не говори, дорогая! — согласилась со мной Роза.

— Тогда давай продолжим с того места, где остановились.

— А ты помнишь, на чем прервался наш разговор.

— На том, что я девушка невинная и родители меня не сопровождают на бал.

— Да. Так вот. Когда родители не могут сопроводить свою дочь на бал, появляется

дуэнья.

— Мы в Испании? — спросила я тоном, которым обычно уточняют: «У Вас всё в порядке с головой?»

— Нет. Но дуэнья появляется, — ответила Сиятельная Роза.

— Я вижу, — с плохо скрываемым сарказмом сказала я, — Ты ведь дуэнья?

— Да. Я благородного происхождения, не замужем и определенного возраста. Все подходит. Я буду смотреть на балу, что б тебя никто не обидел, не совратил, в общем, буду за тобой присматривать.

— А определённый возраст, это какой? — спросила я.

— Это после, — Роза задумалась, — двадцати.

— Моей старшей сестре Василисе, больше двадцати. Она может быть моей дуэней?

— Не может. Василисе очень мало после двадцати. Ей еще самой дуэнья на балу нужна.

— Ладно, Роза. А если ты не замужем, значить — вдова?

— С чего ты взяла, что я вдова?! — возмутилась тётя бывший торт. — Вот еще глупости. Я девушка не замужняя.

— И непорочная, — продолжила я мысль, прикалываясь над Розой.

— Вот смотрю я на тебя вроде умная, а как скажешь что-то дура-дурой. Это ты у нас непорочная, за тобой глаз да глаз нужен, а я девушка, — не успела Роза открыть рот, чтоб закончить предложение, как я с чувством произнесла: «порочная», — и засмеялась.

Роза шутку оценила, покачала головой и сказала: «Деточка, Это называется не порок, а опыт. А ты из-за отсутствия в жизни, как первого, так и второго, говоришь глупости».

Подъем по лестнице стал значительно легче. Или крылья за спиной выросли, или второе дыхание открылось, я уже ни чему не удивлюсь.

Некоторое время мы поднимались в тишине, как вдруг меня осенило.

— Роза, мне нельзя на бал, — сообщила я.

— Даааа? — удивлённо протянула Роза, — а что так? — как-то совсем не по-светски поинтересовалась она.

— Я одета не для бала, — почти шепотом решила я сообщить о своей проблеме. — Понимаешь, когда мы с мамой собирали меня к мажору на дэрэ, мы не рассчитывали на бал, и я надела брюки и ботинки, и всё такое.

Роза внимательно оглядела меня с ног до головы и сказала: «Как только ты войдешь в двери замка, на тебе появится всё, что необходимо девушке на балу».

— И платье? — понимаю, что глупо, но всё же не уточнить я не могла.

— Естественно, — возмущенно ответила мне Роза, — это приличный бал, и заметь, благородное общество. Сплошные сивки, высший сорт! Не могу же я тебя без платья привести. В одних чулках и подвязках! Это деточка, — продолжала возмущаться Роза, — не бордель, а бал! Не путай! Люди, часто, одни и те же, а вот содержание, совершенно разное.

— А какое у меня будет платье? — спросила я.

— Придем, увидим, — философски отнеслась к проблеме платья Роза.

— Роза, — не унималась я, — а почему ты Таврическая? Из-за крема?

— Да, — честно ответила Роза, — из-за него, ирода, из-за кого же ещё? — Роза тяжело вздохнула и добавила, — если б не он, была б я Одесской Трояндой, — и она мечтательно закатила глаза, — а для тебя так вообще Одесской тётей Розой. Но тебе деточка не повезло. Он всё испортил.

— А чем лучше быть Одесской Трояндой, чем Таврической? — решила я прояснить для себя этот сложный вопрос.

— Как для меня так ничем, — ответила Роза, — а как для тебя так, можно сказать всем. Это ж, какое счастье, — вздохнула она, — иметь тётю в Одессе. А если это ещё и не просто тётя, а тётя Роза... — бывшая торт не находила слов для выражения охвативших её чувств. — Вот скажи деточка, у тебя есть тётя в Одессе? — уточнила Таврическое Сиятельство, на еврейский манер слегка картавя слова.

— Нет, — ответила я, не понимая всей глубины трагедии, постигшей мою жизнь.

— Сиротка, — жалостливо глядя на меня, выдохнула Роза, и слегка погладила по голове.

Я хотела было возмутиться и сообщить, что при живых родителях, старшем брате и сестре, сироткой быть в принципе не могу, но наткнувшись на бездонный сиятельный взгляд, решила тактично промолчать. Роза о чём-то ещё недолго подумала и сообщила: «А с другой стороны — это ещё неизвестно, была бы Одесская тётка достаточно благородна для бала и самого Влада

Цепеша». Я не стала это комментировать. «Вот просто посомменты», — подумала я.

Ступени преодолевались с необыкновенной легкостью и быстротой. Впереди уже показался парадный вход в замок, и я решила уточнить у Розы некоторые мучавшие меня нюансы.

— Роза, — позвала я притихшую женщину, — ты же слышишь мои мысли, почему не отвечаешь на вопросы, которые меня мучат?

— Пока мы не в замке, — ответила совершенно не утомившаяся долгой дорогой Роза, — я могу отвечать только на прямо заданный вопрос.

— А в замке? — тут же уточнила я.

— В замке, на балу, ты будешь под моей опекой, — сообщила мне Роза, — а для этого наша ментальная связь усилится, и ты будешь слышать меня так же хорошо, как и я тебя.

— Вот здорово, — обрадовалась я, — я буду слышать всё твои мысли, как и ты мои!

— Нет, дорогуша, — сказал Роза, — на мои будет стоять некоторый блок. И то, что тебе знать не положено цензура не пропустит.

— Цензура? — удивилась я.

— А как же, — ответила моя дуэнья, — мало ли чего, я на балу подумать могу. Тебе многое знать не полагается.

Я открыла было рот возмутиться, но Роза перебила меня на вдохе.

— Не возмущайся, — сказала она, — это не обычный бал и происходить там могут самые необычные вещи. Всё, что тебе надо — ты увидишь и узнаешь. Поверь мне. А я прослежу за твоей безопасностью.

— Спасибо, Роза, — прониклась я до такой степени, что невольные слёзы выступили на глазах.

— Ну, что ты, дочка, — засмущалась женщина, — что ты!

Она обняла меня, и мне сразу стало так тепло и уютно, как будто я дома в кругу самых родных мне людей.

— Успокоилась? — спросила моя заботливая тетушка.

На что я только головойкивнула.

— Вот и словно, — подытожила она. — Мы почти пришли. Если есть вопросы —

спрашивай. Потом будет не до разговоров.

Вопросы роились в голове как пчёлы в улье, и я никак не могла выхватить хоть один из них.

— Что с платьем? — спросила я первое, что пришло в голову.

— Входя в двери замка, подумай о своём наряде, если есть конкретные идеи. Если нет, не расстраивайся. Магия Новогодней Ночи сделает это за тебя.

— А если мне не понравится? — засомневалась я в наличии у Магии вкуса?

— Всё будет хорошо! — сказала Роза. — Просто позволь себе быть счастливой в эту волшебную Ночь.

— Ох, — вздохнула я, что-то сильно на сказку «Золушка» смахивает. Тебе не кажется? — поинтересовалась я.

Роза задумалась, а потом сказала: «Разве что бесконечной лестницей к замку. Ты же не рабыня-падчерица, а я не фея-крёстная, — не то спрашивала, не то утверждала Роза, — сам князь давно и счастливо женат на своей Мине, а наследников, как я знаю, у него нет. Так что на принца не рассчитывай. Что ещё? — вспоминала Роза, — Ах, да — туфелька! Так! Смотри с обувью аккуратно. Не вздумай потерять. Возвращаться будешь босиком. Других тебе не выдадут, да и потерянную туфлю, навряд ли, вернут.

Во время Розино монолога я успевала только головой кивать в знак согласия. «Слава Богу, — думала я, — хоть не Золушка, и то хорошо. Не люблю я эту сказку. Чистила казаны, чистила. Вдруг — опа! Здрасте! Я принцесса! Прошу любить и жаловать! А казаны, будь они не ладны, теперь не моё дело. У меня теперь другой круг интересов — балы, например, послы, и другие там самые разнообразные ослы, — думала я. — Бред! Не бывает так!

Роза, закончив свою нравоучительную речь, внимательно так на меня посмотрела и спросила: «А сама, какую сказку любишь?»

Я неопределённо пожала плечами.

— В детстве очень любила «Русалочку» и «Братья Лебеди» Андерсена, — сказала я, — но потом как-то разлюбила.

— Жертвенная любовь, значить, — подвела итог своим мыслям Роза, — а, разлюбила почему? — уточнила она.

— Не правильные сказки, — ответила я.

— Объясни, — попросила Роза.

— Вот смотри, — решил попытаться объяснить я, — «Красавица и Чудовище», она же «Аленький цветочек» или «Лягушка Царевна», сюда же «Спящую Красавицу» можно, — это всё муть. Сколько монстра не целуй, он или она в царевну, или принца не превратится.

— Проверено? — поинтересовалась Роза.

— Бог с тобой, — отмахнулась я, — и так ясно. А у Пушкина с его мёртвой царевной вообще, некрофилией пахнет. У Шарля Перо красавица хоть спала сто лет, тоже скажу я тебе, не первой свежести невеста, но хоть не мёртвая.

— Детка, это же аллегория, — попыталась вступить за сказки Роза.

— Какая аллегория, Роза, если царевна в гробу лежит, не первый день к тому же?

— Жаж! — сказала Роза, глядя на меня круглыми глазами.

— Вот и я о том же, — согласилась со своей дуэньей. — Другие сказки разбирать будет?

Роза недоверчиво покосилась так на меня из-за полей невообразимой шляпки, украшенной тремя атласными розами, желтой, розовой и почти белой.

— Буратино там, — начала перечислять я, — Красная Шапочка, Маша и медведь.

— Нет, — нашлась наконец-то с ответом женщина, — не надо сказок.

— Не надо так не надо, — покладисто согласилась я.

— Ты хотела меня о чём-то спросить перед балом, — напредила Роза.

— Да, — вернулась я к насущным проблемам, — спасибо, что напредила. Я хотела уточнить — мне есть чего опасаться, бояться или избегать?

— Хороший вопрос, — похвалила Роза, — но не своевременный. Ты под защитой самого хозяина замка, бессмертного Влада, так что бояться тебе точно ничего не нужно. Опасаться? Избегать? — повторила мои вопросы Роза, — думаю, нет. Ты на балу, красавица, а не на поле боевых действий. Развлекайся, знакомься, танцуй, флиртуй, для чего ещё нужны балы как не для этого.

Спрашивать о том, как я попаду, утром домой, не хотелось. Была стойкая уверенность, что если я как-то сюда попала, то однозначно, как-то отсюда выпадут. Если только я сейчас не на улице в коме, но об этом совершенно не думалось.

— Роза, — позвала я свою дуэньку, когда мы уже подходили к распахнутым перед нами дверям.

Роза обернулась, мягко улыбнулась и, подмигнув совершенно по-хулигански, подтолкнула к входу.

ЧАСТЬ 3

Миг. Я перешагиваю порог родового замка князей Дракул и оказываюсь в атмосфере настоящего бала. Из танцевального зала звучит совершенно невероятная мелодия. Скрипки, клавесин, флейта, что-то ещё чему я не могу дать название, рожают такую совершенную музыку, которой я не слышала ни разу в жизни. По обе стороны от меня возвышаются великолепные клоны из розового мрамора, лестница, устланная коврами, зовёт туда, где льются волшебные звуки живой музыки.

— Девочка, — услышала я у самого уха знакомый голос, ты уже освоилась?

— Не очень, — ответила я и повернулась в сторону обратившейся ко мне женщины.

— Роза, — выдохнула я, — ты красавица!

И действительно Сиятельная Роза была великолепна. Пышные формы Розы были эффектно подчеркнуты жестким корсетом, от чего становились ещё более выразительными. Платье цвета горького шоколада, украшали атласные ленты золотисто бежевого цвета, привлекая внимание не только к восхитительно свежему лицу хозяйки, но и к, несомненно, модно драпированной юбке, этого шедевра кутюрье прошлых веков. Тем не менее, платье Розалии, как она попросила к ней обращаться в обществе, необыкновенно шло. Волосы женщины были убраны в красивую вечернюю причёску, состоящую из приподнятых локонов и заколотых кудрей, украшенных живыми цветами. Теми самыми тремя розами, желтой, розовой и почти белой. В руках, скрытых длинными перчатками, моя дуэнья держала маленькую книжечку в оправе слоновой кости.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это для тебя, моя дорогая, — сказала Розалия.

Я недоверчиво покосилась на книжицу.

— Это агенд, — сказала дуэнья, — обязательный балльный аксессуар для девушки собирающейся танцевать. Верх невоспитанности, перепутать танцы или кавалеров на балу. Ты будешь записывать желающих танцевать с тобой тот или иной танец.

— А ты? Что будешь делать ты? — поинтересовалась я.

— Я тоже буду танцевать, — улыбаясь, ответила Роза, — у меня тут может произойти очень интересная встреча.

— С кем? — не удержалась от любопытства я.

— С поклонником, разумеется, — ответила Роза, — и многозначительно улыбнувшись, спросила, — как тебе твоё платье? Такое как ты хотела? Или ты ещё не видела себя?

— Не видела, — призналась я.

— Так идём быстрее к зеркалу, — потянула меня в сторону от лестницы Роза. — Смотри, — развернула она меня к огромному венецианскому зеркалу, — нравится?

— Не то слово, — выдохнула я.

Из зеркала на меня смотрела девущканежная как цветок подснежника, распустившийся ранней весной. Тугой корсет затягивал фигуру, превращая и без того тонкую талию, практически в осиную, одновременно подчеркивая округлость груди и безупречную линию

открытых плеч. Рукава в виде маленьких фонариков и изящно задрапированное декольте дополняли образ расцветающей женственности, а невообразимое количество невесомых, но пышных юбок, лишь усиливали создаваемое впечатление. Волосы у меня были собраны наверх в элегантную прическу, открывающую длинную шею, на которой, сбегая к ложбинке груди, поблескивала тонкая цепочка с маленьким кулоном в виде прозрачной капли.

— Это я? — не могла поверить в увиденное я.

— Ты, дитя моё, ты, — ответила Роза, — но нам пора, с минуту на минуту нас объявят и просто невозможно опоздать.

Мы двинулись к входу в танцевальный зал и уже почти подошли, как я шепнула Розе: «А почему оно белое?»

— А какое ты хотела? — удивилась Роза, — изумрудное тебе не по возрасту. Рано ещё такие цвета в общество надевать. Розовое, голубое, бежевое? Белое само оно! Ты сомневаешься?

— Нет, — ответила я, — просто удивилась.

— Не удивляйся, — похлопала меня по руке Роза, — это всё Магия Новогодней Ночи. И ещё одно, — спохватилась моя опекунша, если захочешь надеть маску, щелкни пальцами правой руки, снять — левой. И лучше это делать незаметно, — закончила свою мысль женщина.

Мы уже стояли у самого порога, когда церемониймейстер, или кто там объявляет вновь прибывших гостей, на весь зал объявил: «Сиятельная Розалия Таврическая с племянницей графиней Приваловой младшей». Все обернулись в нашу сторону, и мы вошли в притихший зал.

Сказать, что я была поражена красотой и роскошью танцевального зала замка — это ничего не сказать. Понимая, что крутить головой, рассматривая всё вокруг с открытым ртом, верх неприличия, я старалась смотреть исключительно на гостей. Это занятие мало способствовало моей концентрации на хороших манерах, потому как гости были отдельной статьёй роскошного украшения этого приёма. Никогда ещё я не видела столько ослепительных женщин в шикарных бальных платьях, многие из которых наверняка были украшены драгоценными камнями, впрочем, как и их хозяйки. Я же в своём белоснежном платье с единственным украшением в виде подвески на груди, чувствовала себя ярким пятном, выделяющимся своей скромностью на фоне всеобщего безумия роскоши. «Тьфу, ты, мажоры, — подумала я. — Вот куда ни плюнь, — продолжила я свою мыслительную деятельность, гордо встречаясь с снисходительными взглядами расфуфыренных прелестниц, — везде они».

Сиятельная Розалия Таврическая, как ледокол «Ленин», прокладывала нам путь, в одном ей известном направлении, приклеив к губам фальшивую улыбку.

— Улыбайся, детка, — слышала я у себя в голове голос Розы.

— Зачем? — удивилась я.

— Так положено в обществе. На губах у девушки должна играть легкая, можно робкая, улыбка.

— Робкую не обещаю, — так же мысленно ответила я, — но улыбку гарантирую, причём откровенную.

Роза вздрогнула и повернула голову ко мне желая предупредить мои дальнейшие действия, но было поздно. Споткнувшись о пренебрежительный взгляд очередной

претендентки на звание «Самая безвкусная новогодняя ёлка года» я медленно растянула губы в издевательской улыбке. От неожиданности Ёлка растеряла своё пренебрежение и круглыми от удивления глазами уставилась на меня. Смерив её фирменным взглядом моей Васьки, из серии «Фу, какая гадость!», я негромко, но так чтобы слышали присутствующие, обратилась к Розе: «Я тебе говорила, что не люблю сказки? — и так как вопрос был риторический, продолжила, — И вот этому достойное подтверждение».

Роза, не спеша, двигалась дальше, зашипела у меня в голове: «Что ты творишь?»

«Развлекаюсь, как ты и велела, — ответила я мысленно, — мы ведь на балу». И уже вслух добавила: «Как Коломбину не укрась, всё равно деревней останется, хоть платье из атласа, хоть из парчи, а породу, её ведь не спрячешь!» — закончила я свою мысль, ни на кого конкретно не глядя.

Видимо, моё предположение о породе попало в точку, потому что Ёлка побагровела и, сделав решительный шаг в нашу сторону, громко произнесла: «Вы, кого-то конкретного имеете в виду, юная, — на этом слове она сделала ударение, — леди?».

Вот зря она так со мной. Ведь могла бы и промолчать, сделав вид, что её это не касается. А теперь сама виновата. Я повернула голову в сторону Ёлки и, улыбнувшись своей самой лучезарной улыбкой произнесла: «Да, Вы правы. Я леди, несмотря на то, что юная. А если быть более точной — я графиня Привалова младшая. А вот кто Вы, если позволяете себе обратиться ко мне, не будучи ни знакомой, ни представленной?»

Ёлка некрасиво скривила своё сильно накрашенное лицо и снисходительно произнесла, как выплюнула: «Дебютантка».

Лицо моей дуэньи полыхало гневом так, что можно было спокойно разжигать костёр, спички не потребовались бы.

— Да как Вы смеете баронесса?! — возмутилась Таврическое Сиятельство, — графиня приглашена лично Их Сиятельством князем Цепишем.

— Оставьте её, тётушка, — сказала я. — Что Вы хотите от бедной, пожилой женщины? — оба слова были выбраны специально, так как такое количество украшений могла одеть на себя только женщина выбившаяся, как говорится «из грязи в князи», что б ни дай Бог никто не заподозрил, что у неё чего-то нет. Ну а про возраст — это любимая шпилька для всех, кто давно уже перешёл рубеж «немного за двадцать». Как правило, бьёт точно в цель, на некоторое время, деморализуя соперницу. И пока не пойми, какая баронесса, хватала ртом воздух от возмущения, я продолжила глядя ей в глаза: «Не находите, что главная роль в премьер, значительно перспективней аналогичной в бенефисе?».

Это была чистая победа. Враг, серией коротких ударов был загнан в угол ринга, где и получил финальный коронный удар под дых. Одним словом — нокаут. Тут и считать до десяти не придётся. После такого баронесса вряд ли быстро оклемается.

Мы продолжили своё движение по не известному мне маршруту, к одной Розе введомой цели.

— Роза, — мысленно кликнула я тётушку, — нам ещё долго тут толкаться?

Роза притормозила и, посмотрев на меня, как на слабоумную так же мысленно ответила: «Мы не толкаемся, а направляемся к хозяину праздника. Поприветствовать и поблагодарить».

Я закатила глаза, даже не представляя себе, как долго может продлиться этот марафон.

— Крепись, Неждана, я уже вижу цель, верь в нас, осталось только, что бы ты, не замечала препятствий, — сообщил мне непробиваемый ледакол «Роза», легко рассекающий

в бескрайнем море людских тел.

— Да, плевать я хотела на препятствия, — с чувством подумала я и мы пришли.

На возвышении стоял высокий темноволосый мужчина одетый дорого и со вкусом. Ничего вычурного или кричащего, однако, о его достатке, буквально кричала каждая мелочь костюма.

— Ваше Сиятельство, — обратилась моя тётушка-дуэнья к мужчине, присев в глубоком реверансе, — разрешите представить Вам мою племянницу, графиню Неждану Привалову.

— Что-то Вы сегодня непозволительно долго, Роза, — ответил ей Князь. Потом повернувшись ко мне, улыбнулся и, протянув руку, затянутую в перчатку, произнёс, — очень рад знакомству Ваша Светлость, не составите мне компанию?

Отказать пригласившему меня на бал Князю было бы верхом неблагодарности, да и мне самой было безумно интересно познакомиться с хозяином. Я подала руку и в мгновение оказалась рядом с Князем на возвышении. С низу возвышение казалось совершенно невысоким, не более полуметра, с верху же открывался великолепный вид на весь зал и всех присутствующих. Я удивлённо хлопнула глазами, а Князь, улыбнувшись, ответил: «Магия Новогодней Ночи, — и уже обращаясь к моей тётушке, — Розалия, ты можешь быть свободна, в пределах, возложенных на тебя обязанностей».

Таврическое Сиятельство ещё раз присела в реверансе, и мысленно пожелав мне весело провести время, растворилась в пёстрой толпе.

— А? — я не могла сформулировать вопрос, потому просто удивлённо хлопала глазами.

— Не беспокойся, Неждана, — сказал Князь, — Роза заслужила праздник, как и каждый здесь находящийся.

— Она говорила, — выдохнула я, — что возможно встретит здесь своих знакомых. В особенности Роза надеялась на какую-то определённую встречу.

— Да, — согласился Князь, — Розалия очень надеется на встречу с капитаном Морганом.

Я недоверчиво покосилась на Князя.

— С тем, который пират? — уточнила я, — так ведь он давно умер.

Князь расхохотался, слегка отклонив голову назад.

— Умер, говоришь, — переспросил он, — всё правильно. Кровавый пират капитан Морган давно умер, мир его праху, но есть два НО. Во-первых, для моего бала это не помеха, а во вторых, — Князь приподнял бровь, пресекая мою вопросы, — Розалия Таврическая жаждет встречи с ромом «Капитан Морган».

Я очень старалась держать лицо, усиленно делая вид, что для меня это вообще не новость, а так пустяк. «И правда, что это я удивляюсь, — думала я, — если торт «Троянда» может быть моей тётей-дуэньей, почему ром не может быть её кавалером?!»

Князь, внимательно следивший за мимикой моего лица, удовлетворенно кивнул.

— Вы, графиня, должен заметить, делаете успехи, — сказал он.

Я всмотрелась в его лицо. Тонкие черты, выдавали врожденное благородное происхождение, а ярко алые губы, только подчёркивали неестественную бледность лица.

— Князь, — обратилась я, — не сочтите за бестактность мой вопрос — Вы вампир? — спросила я, не отводя взгляда от глубокого омуты совершенно тёмных глаз.

— Естественно, — ответил хозяин бала, — а Вы, позвольте полюбопытствовать сомневались? — улыбаясь, спросил он.

— Скорее, не могла поверить, чем сомневалась, — ответила я, опустив взгляд.

«Боже, как неудобно! — начала я самоедство, — такая бестактность. Это всё равно, что спросить у негра, пардон, — мысленно поправила я себя, — афорамериканца, — действительно ли черная у него кожа».

Князь, окинул меня округлившимися от удивления глазами, а потом разразился неестественно громким, для бала, совершенно счастливым смехом.

— Неждана, Вам как никому сегодня удаётся развеселить меня, — сказал Князь, отсмеявшись, — не обижайтесь. В моём веселье нет ничего оскорбительного для Вас, юная леди. Просто мне так редко удаётся услышать что-нибудь не тривиальное. Поверьте, наше общество заражено банальщиной и, как следствие, предсказуемостью. У Вас же совершенно свежий взгляд на..., - Князь оглянулся вокруг, как бы подыскивая, на что именно у меня свежий взгляд, и не найдя ничего достойного внимания сказал, — совершенно на всё.

— Вы тоже можете слышать мысли, как моя Сиятельная тётушка? — поинтересовалась я.

— Увы, моя дорогая, — печально вздохнул Князь, — не просто могу, но вынужден, слышать мысли всех присутствующих в зале гостей, и не только их, к сожалению.

Влад Дракула, ещё раз окинул пеструю праздничную толпу своим холодным взглядом и не найдя там ничего примечательно вернулся к моему лицу.

— Но не будем о грустном, — улыбнулся Князь, — Мина, — негромко позвал он, не сомневаясь, что его услышат, — любовь моя, где ты?

— Я здесь, мой Князь, — сказала девушка, и толпа невольно расступилась вокруг неё.

По живому коридору к нам шла темноволосая девушка в изумительном жемчужном платье. Волосы свободно струились по спине, красиво укладываясь к низу в изящные локоны. Из украшений на ней была лишь нитка не крупных жемчужин, украшавшая лоб и волосы девушки. Она была прекрасна. Её глаза, обращённые на мужчину, сияли такой любовью и счастьем, что говорить о необходимости каких либо дополнительных украшений было просто глупо.

Подойдя достаточно близко к возвышению, девушка улыбнулась Князю и в одно мгновение оказалась возле нас. Князь, бережно обнявший девушку за талию, резким движением притянул её к себе и буквально впился в неё совершенно неприличным поцелуем. Я не ханжа и далеко не тургеневская барышня, падающая в обмороки при любом удобном случае, но поцелуй был настолько страстен и интимен одновременно, что я почувствовала, как краснею.

— Вот же ж, — только и подумала я, интенсивно обмахиваясь белоснежным веером, неизвестно откуда взявшимся в моих руках.

Князь с явным неудовольствием оторвался от темноволосой красавицы, и шумно втянув в себя воздух около её шеи, повернулся ко мне.

«Ну, вот и все, — мелькнуло у меня в голове, — сейчас он её съест. Или меня, — пришла в голову очередная мысль, — её он вон как любит, значить не съест. Сейчас, не съест, — продолжала мыслительную деятельность я, не отрываясь взглядом от ставших ещё более яркими (хотя, куда уже ярче) губ вампира. Если её сейчас не съест, значить сейчас съест меня, — подумалось мне, и я горько вздохнула. — Вот чёрт, — мысленно выругалась я, — только на бал попала. Даже ничего не увидела толком, не потанцевала, не пофлиртовала и нате вам, приехали».

Пока я предавалась грустным мыслям, Князь обратился к девушке Мине.

— Первый раз наблюдаю такую реакцию на поцелуй вечной страсти. Необыкновенная

девушка, не находишь, дорогая, — и он легко коснулся поцелуем её руки, и уже обращаясь ко мне, — не хотелось бы Вас расстраивать, дорогая графиня, но не питаюсь своими гостями. Можете мне поверить, дорогая, ни Вам, ни Мине, ни кому бы то ни было другому на моём балу ничего не грозит.

Мина ничего, не сказав перевела взгляд, который до сих пор был прикован к Князю на меня и тепло улыбнулась.

— Разреши тебе представить, дорогая нашу гостью, графиня Неждана Привалова.

Девушка кивнула и протянула руку в знак приветствия. Очень редко и в особо доверительных случаях леди могли пожать при встрече или ещё реже при знакомстве, кончики пальцев рук друг друга, выражая при этом высшую степень приветствия и доверия.

Я тут же протянула в ответ свою правую руку, чудесным образом, оказавшуюся одетой в высокую белоснежную перчатку. Одновременно с лёгким пожатием руки я слышала голос Князя.

— Ваша Светлость, разрешите представить Вам мою жену княгиню Мину Дракула.

«Только бы не измениться в лице, — буквально молилась я, — только бы не измениться».

— Очень приятно графиня, — сказала улыбающаяся княгиня, — видеть Вас у нас на балу, — а затем тихо добавила, — и перестаньте нервничать. Вы держитесь просто превосходно.

Я, натянуто улыбаясь, подумала: «Неужели тоже слышит мысли?»

— Нет, — мягко ответила княгиня, — читаю.

«А можно мне обморок, — подумала я, соорудив при этом довольно умильную рожицу, совершенно не вязавшуюся с моим нынешним образом нежного подснежника, — я ни разу не бывала в обмороке».

— Можно, — ответила мне Мина, — но давайте оставим это для более удачного случая, — и она многозначительно повела бровью в сторону развлекающихся гостей.

— Почему Вы не танцуете, графиня, — поинтересовался у меня князь.

Часть 4

— Так не приглашают, — постучала я пальчиком по совершенно пустому агенду, — я же никому не представлена и никого здесь не знаю, кроме Вас и тётушки торта, в смысле Розалии Таврической, — ответила я.

— Это легко поправимо, — ответил князь, — что Вы предпочитаете танцевать? Мы найдем для Вас самого искусного кавалера, — вкрадчивым шёпотом сообщил он.

— Боюсь, Ваша Светлость, — ответила я, что то, что я умею и люблю танцевать, на балах не танцуют, а в бальных танцах я не сильна.

— Какая жалость, — воскликнула Мина, — что совсем — совсем не сильна?

— Ну, если подумать, то в детстве я посещала кружок бального танца, — сказала я задумавшись.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась Мина, — и что из танцев Вам нравилось больше всего?

— Дайв, — честно ответила я.

— В таком платье, — у Мины округлились глаза, — это не возможно.

— Да я и не настаиваю, — сообщила я, представляя на минуточку весь шок от исполнения мной зажигательного латинского танца, в более чем откровенном наряде на средневековом балу.

— Я думаю, — высказался князь, — зажигательные танцы нам ещё предстоит увидеть, а вот вальс, наверняка устроит всех.

— Вероятно, — пролепетала я, — вспоминая, что в вальсе почти всё зависит от мастерства партнёра.

— Я слышу мысли каждого, присутствующего здесь, Неждана, — сказал Князь, обращаясь исключительно ко мне, — многие из блестящих кавалеров давно мечтают пригласить Вас на танец. У Вас имеются какие-либо пожелания.

Я хлопнула ресницами, в лучших традициях блондинок и выдала: «В меру общительный, галантный кавалер с хорошим чувством юмора. Наличие танцевальных навыков обязательно».

Князь опять весело смеялся, а Мина нежно улыбалась, глядя мне в глаза.

— Ну, вот скажи, дорогая, — обратился Князь к супруге, — разве она не прелесть?

— Вы определённо правы, мой Лорд, — ответила Мина и, обращаясь уже ко мне, спросила, — это всё? Вы не хотите, что-нибудь добавить или уточнить?

— Зачем? — удивилась я, — для танца мне кажется этого вполне достаточно.

— А если он будет стар или уродлив? — улыбаясь, спросил Князь.

— Так мне его не варить и не фотографировать, — не понимая причину веселья сиятельной четы, — ответила я.

— Ты прав, — сказала Мина, — она неподражаема.

— Видите ли, графиня, — решил внести уточнения Князь, — на Новогоднем Балу у самого Дракулы можно попросить всё, что угодно, если я сам обратился к Вам с таким предложением. И никто, поверти мне, никто из здесь присутствующих не упустил бы свой шанс.

— Шанс на что? — не поняла я, — шанс потанцевать с кем-то конкретным?

— Не совсем, — сказала Мина, — скорее шанс устроить свою жизнь с кем-то конкретным, или попытаться устроить её с человеком, наделённым конкретными качествами. Чаще всего заказывают богатство, титул, положение в обществе, реже внешнюю привлекательность, ещё реже любовь. Иногда даже умудряются заказать плохое здоровье, со скорой кончиной, или немощную старость и покладистый характер.

— Зачем же танцевать с немощным старцем, едва не отдающим Богу душу на Новомодном балу? Это что, акт благотворительности? Что-то типа в последний путь с приятными воспоминаниями? — удивилась я, — а если старичку не до танцев? Подагра там замучила или геморрой, простите за диагноз?

Князь давно сложившийся чуть ли не пополам от смеха, жестом фокусника вытащил из рукава белоснежный платок с вензелями, которым стал вытирать струившиеся по лицу слёзы.

Мина, бережно приобняв мужа, забрала из его рук платок, аккуратно промокнула выступившие от неконтролируемого смеха слёзы, и повернувшись ко мне сказала: «Вы удивительно благотворно влияете на настроение моего мужа. За столько веков, что мы вместе, я ни разу ни видела его так много и от души смеющимся. Спасибо Вам, графиня. Для нас это редкая эмоция.

— Дорогая, — обратился Князь к жене, — давай предоставим нашей гостье право выбора?

Мина, опирающаяся о руку мужа, согласно кивнула, слегка склонив голову к его плечу.

— Да, — сказал Князь, — так и поступим. — Ваша Светлость сегодня на Новомодном Балу Вас будут приглашать кавалеры только соответствующие выше оговоренным качествам. Ну, или хотя бы одному из них, — лукаво улыбнулся мне Князь. — Ничего не бойтесь, танцуйте смело, общайтесь, флиртуйте, а главное наблюдайте и делайте выводы. Большого я Вам, к сожалению, сказать не могу.

Я присела в реверансе, мысленно благодаря за такой подарок, когда Князь обратился к кому-то из танцующих в зале.

— Не стоит так настойчиво мне напоминать о твоём возможном представлении нашей гостье, поднимайся к нам.

В мгновение ока перед нами на возвышении оказался статный мужчина лет тридцати одетый в черный фрак, эффектно подчёркивающий его фигуру.

— Графиня, — обратился ко мне Князь, — разрешите представить Вам моего доброго друга, графа Калиостро.

Я хлопнула глазами и выдала фирменную улыбку: «Очень приятно, граф»

— Тогда разрешите мне пригласить вас на..., - граф посмотрел на Князя, ища подсказку в его лице. Князь слегка повёл левой бровью и граф расцвёл, — вальс.

Я вложила слегка дрогнувшую руку в крепкую руку графа и ответила: «Ох, не пожалеть бы Вам, граф».

Явно обескураженный моим ответом Калиостро ничего не ответил, ведя меня к центру зала. Заиграла музыка. Мы встали в позицию. Граф пропустив первые три такта, уверенно повёл меня в танце. Я мысленно отсчитывала — раз, два, три, чтобы не сбиться с такта.

— Графиня, — обратился ко мне мой партнёр, — ну, сколько можно. Так Вы и сами не танцуете, и мне не даёте.

— Чем это, позвольте Вас спросить, — зло поинтересовалась я, — я Вам мешаю.

— Вы слишком напряжены для танца, — ответил граф, — доверитесь мне, дорогая, и Вы не пожалеете.

— В каком смысле? — предполагая подвох, спросила я.

— В самом прямом смысле, графиня, — мягко ответил граф. — Вы ведь танцевали раньше? — поинтересовался он.

— Да, — согласилась я с предположением графа Калиостро, — но это было так давно.

— Поверьте мне, у Вас всё получится. Надо только отпустить себя и почувствовать мелодию, а всё остальное предоставьте мне.

Я подумала, что выбор не большой и решила последовать совету графа. Расслабившись в руках опытного танцора и отдав ему на откуп всю ответственность за наш танец, я легко заскользила по паркету, самым необыкновенным образом вспоминая танцевальные па.

— Вот видите, — сказал граф, прерывая поток лёгкой ничего не значащей светской болтовни, которой он меня в течение всего танца развлекал, — мы могли бы стать лучшей парой на этом балу, но у нас серьёзные соперники.

Я попыталась поймать глазами пару, о которой говорит граф и увидела скользящих по паркету Князя с Миной.

Они так гармонично смотрелись вместе, так плавно двигались, так чувствовали друг друга, что без сомненья являлись самой красивой парой этого бала.

— Вы не устали, — спросил меня граф по окончании танца.

— Нет, — честно призналась я, но воды бы выпила с удовольствием.

— Воды? — удивился граф.

— Что Вас удивляет? Если на балу флиртуют торт с ромом, то пить шампанское может быть просто оскорбительно для последнего.

Граф от души рассмеялся шутке и отправился к столикам за стаканом лимонада для меня.

— Ну, и как он тебе? — прозвучал в голове тётушкин голос.

— Староват, — вздохнув, подумала я.

— Детка, — ответила на мой вздох Роза, — ты даже не представляешь на сколько.

— Ты сама как? — поинтересовалась я.

— Великолепно, — ответила моя неизвестно где пропадающая дуэнья, — капитан — сама галантность и обходительность. У нас тут такое общество подобралось, не поверишь, — решила пообщаться со мной Розалия, — прибыла Вдова Клико и тут же устроила разнос Дону Приньону, а в это время дурачок Джим Бим вызвал на дуэль Чёрного Полковника заявив, что тот не достаточно крепок для своих лет.

— Офигеть, — не сдерживая эмоций, подумала я.

— Вот и я о том же, — согласилось со мной Таврическое Сиятельство, — мне пора, дорогуша, и помни — я присматриваю за тобой одним глазом.

— Смотри, тётя, не окосей, — беззлобно фыркнула я.

— И не подумаю, — раздался в голове стихающий на последних буквах голос.

«Вот ведь, вертихвостка», — подумала я.

Пока в моей голове происходил этот содержательный диалог, в зале резко потемнело, и откуда-то сорвался ветер. Роскошная люстра раскачивалась под потолком, как лист на ветру, грозясь погresti под собой присутствующих в зале гостей.

— Что это? — спросила я, вовремя подоспевшего ко мне графа.

— Не что, а кто это? — поправил меня граф и совершенно спокойно сообщил, — Смерть.

— Чья? — не совсем поняла я ответ.

— Ни чья конкретно, — ответил граф, — просто Смерть, своей собственной персоной.

— Она тоже в числе приглашенных? — удивилась я.

— А чему Вы удивляетесь, графиня, — сказал Калиостро, легко целуя мою руку, — вполне вероятно, что да. Они с Князем давние знакомые.

— А как же Мина? — заволновалась я.

— Мина, — задумался граф, — а что ей Смерти бояться. Они с Князем бессмертные.

— Как и Вы? — уточнила я.

— Не совсем, — ушел от скользкой темы граф, — но общий смысл Вы уловили.

Зал опустел, и буквально ниоткуда в центре появилась женщина в шикарном вечернем платье глубокого чёрного цвета.

— Я с частным визитом, — сказала женщина, и зал облегчённо выдохнул.

— Ты как всегда неподражаема, — сказал Князь, направляясь к госте.

— Неужели ты надеялся, что я пропущу такое событие, — качая головой, спросила женщина, — помнится за тобой должок.

Князь, предложив даме руку, повёл её к возвышению.

— Чего ты хочешь, дорогая, — интимно склонившись в сторону гостьи, спросил Князь.

— А где твоя жена? — не ответив на вопрос, спросила женщина.

— Так ты к Мине? — поинтересовался Князь, — она только что была здесь.

— Нет, дорогой я к тебе, — обворожительно улыбаясь, ответила Смерть, но хочу что бы твоя супруга тоже здесь присутствовала.

— Я к Вашим услугам, сударыня, — сказала Мина. Выходя из-за спины очень полной и совершенно белой от страха женщины преклонных лет, — Ваше появление, миледи, — продолжила Мина, — всегда эффектно, для некоторых, — и она показала глазами на еле живую от страха даму, — так слишком.

— Ничего, — громко ответила Смерть, — переживут. А не переживут, так тоже ничего страшного, — и она засмеялась двусмысленности своей шутки.

Присутствующие в зале пытались улыбаться, но у них плохо это получалось.

— Почему они все дрожат от страха, — тихо спросила я у графа.

Калиостро удивлённо приподнял брови и ответил: «Так ведь это Смерть!»

— Это я поняла, — сказала я, — непонятно только почему они все так бояться. Она же предупредила, что с частным визитом, значить не на работе. Чего тогда дрожать?

Меня раздражал повисший в зале тошнотворный запах страха.

— А вдруг она передумает? — уже с интересом спросил у меня граф.

— Значить передумает, — ответила я, — всё равно они не в силах повлиять на её решение. Захочет, передумает, захочет, нет. От того, что они бояться, ничего ведь не изменится? — спросила я графа.

— Думаю, вы правы, графиня, — согласился со мной Калиостро.

— Тогда зачем своим страхом атмосферу портить? — спросила я громче, чем хотела.

На нас тут же были устремлены взгляды всех присутствующих. У некоторых в глазах читалось явное облегчение, что не на него обратит своё внимание госпожа Смерть, у некоторых в глазах стояла жалость и явно просматривалось — вот, дура! Меня всё это не

интересовало.

«Овцы», — беззлобно подумала я.

— Ещё какие, — ответила мне Смерть.

— Добрый вечер, миледи, — сказала я, присаживаясь в глубоком реверансе. Как правильно обращаться к Смерти, а тем более на балу, я не знала, поэтому решила воспользоваться обращением Мины.

— А она милашка, — сказала Смерть, ни к кому конкретно не обращаясь, но в то же время, пристально меня, разглядывая, — эта младшая из рода Приваловых. Подойди ко мне, дитя, — позвала меня женщина.

— Не иди, — шепнул граф.

Я посмотрела на него как на ооочень странного человека.

— Извините, граф, — сказал я довольно громко, — но вынуждена Вас покинуть. Нет, нет, не провожайте меня, граф, — сказала я совершенно ошарашенному мужчине, явно не собирающемуся меня провожать, — путешествие может быть опасно, — добила я струсившего графа.

— Bravo, детка, — сказала Смерть, несколько раз демонстративно хлопнув в ладоши, — bravo!

— Ты с частным визитом, — раздался в тишине незнакомый голос, — надеюсь, не забыла.

— Но она мне нравится, — возмутилась Смерть и капризно сморщила носик.

«Ещё бы ножкой топнула и была бы точная Барби, только брюнетка», — подумала я.

Некоторые, вероятно те, кто слышал или умел читать мысли посмотрели на меня очень выразительно. Я, проигнорировав их взгляды, продолжила свой путь с гордо поднятой головой.

— Нет, — сказала Смерть, — она определённо мила, и мне очень нравится, — неизвестно к кому обращаясь, добавила она.

— Мне тоже, — ухмыльнулся голос.

— Простите, — решила вклиниться в разговор, — я Вам не мешаю?

— Нет, — в один голос ответили Смерть и ещё кто-то.

— Тогда с Вашего позволения я пойду, — сообщила я, разворачиваясь от Смерти на девяносто градусов и меняя свой маршрут в неизвестном мне направлении.

— Куда? — опять в унисон спросили спорщики.

— Проветрится, — спокойно ответила я, — здесь что-то душно стало.

Смерть посмотрела на меня внимательно и не найдя вероятно искомого, вздохнув сказала: «Иди уже к нам, Неждана. Не трону я тебя. Я сегодня действительно с частным визитом. Да и не боишься ты меня, что в твоём возрасте редкость. Хотя есть, конечно, обезбашенные адреналинщики и депрессивные суицидники, но в каком возрасте их нет.

Смерть повернулась лицом к Мине и сказала: «Ты права, дорогая, в старости с адреналинщиками напряженка, но безбашенные и депрессивные с лихвой перекрывают этот дефицит.

Я подошла и изумилась красоте и изысканности Смерти. Её черты лица, движения, голос, манера себя держать и даже просто смотреть были божественно совершенны.

«Вот это да! — подумала я, — аристократизм и утончённость крепко обнявшись, нервно плачут в стороне. Какая совершенная совершенность!»

— Спасибо, детка, — улыбнувшись одной из своих неподражаемых улыбок, сказал

Смерть, — но это только один из моих образов. Вижу, что тебе он понравился.

Я только и смогла, что кивнуть головой в знак согласия.

— Как супруг? — поинтересовался Князь, — чем занимается?

— Чем ему заниматься, — пожав плечами ответила Смерть, — как не на диване лежать, — работы у него видите ли нет. С его квалификацией ему только вселенскую катастрофу подавай, на меньшее он размениваться, не согласен.

Я удивлённо посмотрела на Князя. Вот никогда не думала, что Смерть замужем.

— А как же, — ответила Смерть, на моё плохо скрываемое изумление, — и давно уже замужем — за Армагеддоном! Уже и не помню, какое столетие пошло со времён моего замужества.

— И дети у Вас, разумеется, есть, — решила озвучить мучивший меня вопрос.

— Разумеется, — ответила Смерть, — старшая дочь Чума, который век на тренерской работе, молодое поколение готовит. Война, по миру носится, все ей дома не сидится. Голод, мальчик мой, тоже востребован, работает по специальности, часто в заграничных командировках пропадает. Ну и внуки, правнуки подрастают — радуют бабушку.

Я рот приоткрыла, а как закрыть забыла совсем. Так и стояла, неприлично вылупив глаза с приоткрытым ртом, картина «Даун» маслом. Такая молодая и совершенная женщина никак не вязалась у меня с образом бабушки воспитывающей внуков.

— Но я сюда не за этим пришла, — вернула, мня на грешную землю Смерть, — ты, - она резко повернулась к Князю, — должен мне танец. Пусть это будет танец страсти и огня, таец на грани Жизни и Смерти. Пусть это будет Танго.

Князь вывел свою партнёршу в центр зала. Всё стихло, и в оглушительной тишине нежно запела скрипка. А дальше, дальше на танцполе действительно начался Армагеддон вместе с Апокалипсисом. И чего она жаловалась, что муж без работы сидит. Ничего он не без работы. Вон как обработал публику. Наверное, разорвавшаяся в зале бомба произвела бы меньший эффект, чем эти двое танцующих танго. Когда музыка стихла, я подумала, что уже умерла, такой эмоционально опустошенной я себя почувствовала.

«Действительно, и Жизнь, и Любовь, и Смерть», — подумала я.

— Вот так, Мина, ты должна любить своего мужа, — сказала совершенно не запыхавшаяся от страстного танца, Смерть, — что бы он чувствовал себя живым и любимым.

— Не слушай её Мина, — воскликнул Князь, — ты нужна мне такой, какая ты есть. Ты же знаешь, только рядом с тобой я чувствую себя живым, только для тебя бьётся моё давно уже

мёртвое сердце.

Князь порывисто обнял супругу, стараясь закрыть собой от всего, что может её потревожить.

— Неисправимый романтик, — сказала Смерть и исчезла, как будто и не появлялась совсем.

— Милый, — едва слышно позвала Мина Князя, — у нас гости.

Князь, мгновенно вернувшийся из своих дум, в которые он погрузился после слов Смерти, громко объявил: «Мазурка. Кавалеры ангажируют дам».

ЧАСТЬ 5

«А кто не хочет ангажироваться, — подумала я, — тихонечко линяет в сторону буфета».

— Обворожительная, — раздался у меня над ухом звонкий мужской голос, — могу я ангажировать Вас на танец.

Передо мной стоял бравый военный, вероятней всего гусар, какого-то там полка. Ментик с позолотой на одном плече и узкие синие рейтузы, заправленные в высокие до блеска начищенные сапоги, выгодно подчёркивали ширину плеч и стройность ног этого, без преувеличения, красивого мужчины. Закрученные усы на безукоризненно выбритом лице и легкий шлейф дорогого алкоголя, выдавали в нём того ещё сердцеда и безжалостного соблазнителя. Всё в его облике, от улыбки до отточенных бесконечными балами движений, было рассчитано на моментальную победу над очередным женским сердцем, которых у него, как я думаю, была большая коллекция.

Улыбаясь гусару и хлопая ресницами, на манер фарфоровых кукол, я мылено позвала дуэнью: «Роза! Роза, что делать? Роза, да отзовись же ты, наконец!»

Гусар, предложил мне руку и я, не очень разбираясь в тонкостях бального этикета, почти протянула ему свою, как в голову сиреной раздался голос, потерявшей было Розы.

«Не вздумай даже, — мысленно кричала моя опекунша, — подавать ему руку, — вы же не представлены друг другу. Ты просто не имеешь права сама заводить знакомства или, не приведи Господи, танцевать с незнакомыми тебе мужчинами. Тем более с гусарами. А ещё тем более конкретно с этим!»

Сделав протянутой гусару рукой, какой-то совершенно немислимый пируэт, окончившийся на юбке моего бального платья, которое, как, оказалось, срочно необходимо было разгладить, я решила уточнить.

— Прости, любезный, — обратилась я к военному, — а мы разве знакомы? — поинтересовалась я.

— Нет, — четко ответил гусар, — но всю жизнь мечтал познакомиться с такой прекрасной незнакомкой.

— В таком случае, — сказала я, небрежно обмахиваясь веером, — вы вполне в состоянии подождать ещё немного, раз прождали возможности со мной познакомиться всю свою жизнь.

— Зачем? — удивился гусар.

— Что б найти того, кто представит нас друг другу, — наивно хлопая ресницами, ответила я.

Опешивший было воин, быстро нашёлся, предложив: «А может сначала мазурка, а потом представление?»

Оценив степень наглости, как «очень сильная», я ответила: «Предполагаю, что потанцевав с незнакомым мужчиной мазурку, я устрою такое представление для присутствующих здесь господ, что в Вашем, нуждаться уже не буду».

Гусар заметно погрузился, но решил так просто не сдаваться: «Скажите, королева моего сердца, кто бы мог представить нас друг другу, и я тот час устрою это для Вас».

— Я думаю, Князь не откажет Вам в любезности, — ответила я, — тем более, что я кроме него и графа Калиостро больше ни с кем не знакома.

Кандидатура предложенных мной мужчин

как-то не вдохновила гусар и он, устремив на меня свои небесно-голубые глаза с лёгкой поволокой произнёс: «А может, ну их эти условности?»

Я посмотрела на гусара, и глубоко вздохнув, от чего грудь в декольте платья призывно колыхнулась, произнесла: «А действительно, к чему церемонии?! Давайте оставим условности другим».

Во время моего монолога лицо гусара с каждым словом озарялось всё больше и больше, и чуть не лопнуло на последней фразе, которая прозвучала примерно так: «Я так хотела сказать Вам это с самого первого Вашего слова, но условности не позволяли, а раз мы их отбрасываем, то я говорю Вам, а пойдите как к чёрту, Ваше Благородие!»

Не смотря на гремевшую мгновение назад музыку, в зале опять воцарилась тишина.

«Они, что там, звук вырубает, что ли?!» — подумала я и в ответ получила так же мысленно «Нет. Звук смолкает сам, — сообщил мне Князь, — исключительно от Ваших ответов».

Найдя Князя глазами, я мысленно поинтересовалась: «И, что не так?»

«Ничего, кроме того, что до Вас, так поручика ещё никто не посылал»

«Что вообще никто?» — удивилась я.

«Нет, — ответил мне граф Калиостро то же, кстати, мысленно, — посылать, конечно, хоть и редко, но посылали, но вот так, что б даже до мазурки. Такого ещё не было».

«Скажите граф, если не секрет конечно, — обратилась я к Калиостро, — почему Вы не сопроводили меня к госпоже Смерть?»

«Понимаете, дорогая графиня, — ответил, не задумываясь граф, — к этой госпоже у каждого из нас своя дорога. И не верти тому, кто скажет, что не встречался с этой дамой.

Я как маг, и поверьте мне, не самый слабый, просто не имею право вмешиваться в Вашу жизнь, даже косвенно. Все Ваши действия, графиня, должны быть результатом исключительно Вашего выбора. И никак иначе».

Я посмотрела в глаза графа и почему то ему поверила. В них не было страха, в них была усталость от бесконечной жизни и такая тоска, от человеческой предсказуемости. Продолжили разговор мы уже вслух.

— Я верю Вам граф, — сказала я, — было бы очень странно, если б Вы боялись Смерти.

— Скажите, Неждана, — обратился ко мне граф, придерживая за локоток, — Вы любите гадания?

— Только святочные, — ответила я, — мы дома очень весело проводим Сочельник и Рождество. Так вот, на Сочельник у нас обязательно гадания.

Граф улыбаясь уголками губ, удивлённо приподнял одну бровь.

— Да, граф, — сказала я, заметив эту полуулыбку, — ничто человеческое нам не чуждо. И желание знать, что произойдёт в наступившем году неистребимо, но, — я сделала небольшую паузу, акцентируя внимание на том, о чём пойдёт речь, — в нашей семье все гадания шуточные, и плохих предсказаний просто не существует. Всем, кто примет участие в нашем празднике обязательно будет предсказано какое-нибудь хорошее или очень хорошее событие.

— Но ведь это обман, — уже не скрывая улыбки, сказал граф.

— Это, смотря как на это посмотреть, — ответила я, крутя в руках веер, — кому станет лучше, если человек за ранее узнает, что его ждут проблемы, болезни, нищета или смерть? — спросила я и тут же ответила, — никому. А если человек будет жить надеждой на что-то доброе и хорошее, что обязательно должно произойти в его жизни — это ведь Святочное гадание, то и невзгоды в будущем ему будет легче перенести. Мне так кажется, — завершила я мысль, уточнив у графа, — простите, я не слишком болтлива для бала.

— Что Вы графиня, — смеясь, ответил граф, — Вы просто прелестны. И надо отдать должное, в ваших рассуждениях есть доля правды.

— Спасибо, Вы слишком добры ко мне, граф, — слегка краснея, ответила я, — но я впервые на балу и понятия не имею, как себя положено вести и о чём принято говорить.

— Графиня, — ответил Калиостро, едва касаясь губами пальцев моей руки, затянутой в перчатку, — как говорят в Вашем мире, не заморачивайтесь, кажется так?

— Именно так, — смеясь, подтвердила я слова графа.

— Вот и воспользуйтесь мудрым советом своего времени, — предложил граф.

— Я постараюсь, — честно ответила я.

— Графиня, в очередной раз убеждаюсь, что, Вы бесподобны, и беседовать с Вами для меня большая часть и удовольствие, но, — граф выразительно показал глазами на расступающуюся перед нами людскую толпу, — к Вам уже спешит кавалер, которому, вот уж действительно, не принято отказывать.

Я посмотрела в сторону расступившейся толпы и чуть не ахнула. К нам неспешно направлялся сам король Франции, не пойму только какой из них, со всей своей свитой.

— Ваше Величество, — присела я в глубоком реверансе, мысленно зовя Розу на помощь.

— Дитя моё, — сказал король, и широко взмахнув рукой, остановил движущийся за ним поток придворных, — подойдите к Нам! не бойтесь! Короли Франции не кусаются, — пошутил король, — разве что самую малость, — придворные учтиво засмеялись, передавая друг другу шутку короля, приукрашая её и восхищаясь остроумием Его Величества.

Я очень медленно направилась в сторону короля мысленно, на чем свет стоит, чихвостя ветреную дуэньку.

«Детка, ты меня звала, — раздалось наконец-то у меня в голове, и тут же — о, король, откуда он здесь?»

«От туда, — ответила я Розе, взглядом показывая направление, откуда появилось Величество, — Роза, что делать?»

«Понятия не имею, — беспечно ответила Роза, — поговори с ним, видишь, монарх жаждет общения, а там действуй по обстановке».

«Вот помогла так помогла, — подумала я в след своей сладкой тетке».

«А чем тебе собственно помочь? — спросила Роза, в которой, вероятно из-за моего тона вполне могла проснуться совесть».

«Скажи мне, хоть какой это король? — взмолилась я».

«Французский, — тут же ответила Розалия и с чувством выполненного долга спросила, — ещё помощь нужна?»

«Нужна, — не дала я слиться к кавалерам нетерпеливой тётушке, — какой по счёту? Ты знаешь, сколько их там, тех королей было? И не сосчитать».

Роза задумалась, а потом сказала, как отрезала: «Так у Князя спроси, — таким тоном, типа, сама догадаться не можешь?! И растворилась в бальном тумане.

Я вздохнула, и ничего не придумав лучше, мысленно обратилась к Князю: «Прости, Бога

ради, Ваше Сиятельство, но не могли бы Вы подсказать мне бестолковой — что это за король французский?»

«Это — Людовик XV», — тут же отозвался Князь.

«Тот, которому отрубили голову?» — поинтересовалась я.

«Нет. Отрубили голову Людовику XVI, его внуку, во времена Великой французской революции».

«Гильотиной?» — уточнила я.

«Какое знание истории?! — не то удивился, не то восхитился Князь, — да, именно гильотиной».

«Отлично, — подумала я, — а этот тогда чем знаменит?»

«Оленьим парком, — ответил Князь, — если Вам, дорогая графиня, это о чём-то говорит».

«Разберёмся, — заверила я Князя и, подняв опущенные во время мысленной беседы глаза на монарха поинтересовалась, — ну, что Ваше Величество, как там «Олений парк»?

Придворные ахнули, у короля глаза выкатились из орбит, в зале, в очередной раз повисла тишина, а я мысленно замычала: «Что опять не так?»

Всхлипывающий от смеха Князь не сразу смог ответить на этот, уже ставший традиционным за время моего пребывания на балу, вопрос. На помощь пришел граф Калиостро: «Всё так, дорогая графиня. Всё так, — зашептал граф у меня в голове, — просто такой молодой девушке как Вы, не очень прилично интересоваться, как идут дела в «Оленьем парке».

«Ну, и как они там идут, граф», — запоздало поинтересовалась я.

«Всё, как у Вас говорится, пучком, — сообщил мне граф, — дела идут, контора пишет».

«В смысле, контора?» — не поняла я.

«Простите, графиня, — извинился Калиостро, — это я к слову сказал».

«А по существу можно, — попросила я, — а то с королём сейчас удар приключится. А я останусь виновата».

«Если по существу вопроса, — проинформировал меня включившийся в разговор Князь, — так «Оленьим парком», называется место, где маркиза Помпадур возвращает для своего монарха молоденьких девушек, для разнообразных удовольствий».

«Другим словом, бордель?» — решила внести ясность я.

«Да, — практически хором ответили мне мои мысленные собеседники».

«Вот это я спросила!» — сама себе поразилась я.

Но делать нечего. Король не может весь вечер столбом стоять и глазами хлопать. Надо выходить из создававшегося щекотливого положения. И я решила выйти.

— Я, в принципе, уточнить хотела, — решила прикинуться дурочкой я, — как там охота на оленей? В парке проводите или лес предпочитаете?

Король шумно выдохнул, а за ним и вся королевская свита, посмотрел на меня очень внимательно, даже слегка голову наклонил в мою сторону и произнёс: «Вот так сразу и сказала бы, что тебя охота интересуется, а то я невесть, что уже подумать успел. Если по поводу оленьей охоты, то Мы отдаём предпочтения лесным угодыям».

«Великолепно, Ваше Величество, — ответила я, — в угодыях оно куда лучше охотиться на оленей, чем в парке».

Обстановка, мною созданная развеивалась плохо. Можно сказать совершенно не

развеивалась, но хоть не накалялась, и то, Слава Богу! Придворные косились и перешёптывались, а некая мадам, вероятней всего небезызвестная маркиза, сверялась с какими-то списками и бумагами.

— Мы изволим танцевать, — сообщил всем король.

— Не отказывайте себе, Ваше Величество, — сказала я, чем тут же заработала выпученные глаза, не только придворных, но и всего зала.

— Менуэт, — сказал король, и взмахнул рукой.

Заиграли скрипки и клавесин. Король сделал странный жест руками и ногой в мою сторону.

«Что это, граф? — поинтересовалась я.

«Вас пригласили на самый главный балльный танец эпохи Людовик XIV, ну и по традиции всех остальных Людовиков», — ответил мне граф.

«Он сложный?» — поинтересовалась, так на всякий случай, потому как, что-что, а менуэт я точно никогда не танцевала.

«Ужасно, — сообщил мне радостно граф, — его разучивали годами и танцевали медленно, уделяя особое внимание движению рук, повороту головы и тому подобному».

«Мне его не осилить, даже с Вашей помощью, — сообщила я очевидное, — что будем делать?»

«Отказать королю, графиня, Вы не можете. Это скандал», — веско произнес Князь прямо у меня в голове.

«Так ведь король этот давно тю-тю, в смысле умер», — попыталась выдвинуть свои доводы в пользу отказа от танца, я.

«Умер, не умер, а скандал нам не нужен», — подытожил граф, — предложите что-нибудь, графиня, Вы же девушка продвинутая, так сказать».

«Могу предложить сальсу, — тут же нашла альтернативу я, — а что, я отлично танцую сальсу, и совершенно не умею менуэт, а король точно в сальсе не силён. Куда ему в таком одеянии сальсу танцевать, он и верхний брейк, навряд ли осилит, не говоря уже о сальсе?!»

«Не надо, сальсу, — взмолился граф, — побойтесь Бога, какая в 17веке может быть клубная латина?! Тогда ведь ещё и клубов не было?!»

«Ваши предложения?» — не стала я настаивать на своём.

«Предложите королю павану, гальярду или куранту, — посоветовал граф, — а я Вам буду мысленно транслировать, какие движения следует делать. Может всё и обойдётся. Без скандала. На этот раз».

Мне очень хотелось спросить, часто ли на балу у Великого Князя Дракулы, происходят скандалы, но дрыгающий ручкой-ножкой монарх, сильно отвлекал от мыслей, и я решила оставить этот вопрос на потом.

— Ваше Величество, — опять присела я в глубоком реверансе, — простите великодушно, но не умею я танцевать менуэт. Может, что другое потанцуем, — на последнем слове я многозначительно повела бровями, предварительно опустив голос глубоко во внутрь, от чего он стал на несколько тонов ниже и бархатистей.

Король хаотичные движения конечностями прекратил. Общая атмосфера ожидания скандала делала мне нервы, как сказала бы Роза, если б была не Таврической, а Одесской. Я застыла с глупейшей улыбкой и немым обожанием в глазах, ожидая, чем это обернётся.

Король многозначительно улыбнулся, наверняка голос мой на его всё-таки подействовал, и скандал автоматически перенёсся на другое время.

— Почему девушка в Вашем, не столь уже юном возрасте, — сделал одному ему понятный намёк монарх, — не умеет танцевать менуэт? Такая красивая девушка менуэтом должна владеть в совершенстве — сказал король, протягивая мне руку и приглашая на танец.

Я слегка порозовела, потому как побагроветь, мне не позволил граф, взывая к понимающей сложившейся на балу обстановке, и, прося уважения к маленьким, как он выразился, слабостям, не просто пожившего, а давно уже умершего человека.

Я уважение к умершим проявила, гнев в себе погасила и томно прикрыв глаза как рывкнула: «Не могу знать, чуть не сказала Ваше Величество, но вовремя спохватившись, сказала Величество, — недосмотрели».

Король понимающе ухмыльнулся и, делая двусмысленные паузы и акценты, спросил: «А, что Вы умеете танцевать?»

Хотелось, вот честно, очень хотелось ответить ему про сальсу, но памятуя о возможности скандала, позволила себе лишь трепет ресниц и робкое: «Можно попробовать куранты».

Король сморгнул и спросил: «Может, Вы хотели сказать, куранту?»

— Конечно куранту, что ж ещё, — радостно заулыбалась я, и уже обращаясь мысленно к графу, попросила, — давайте уже начинать, что ли, а то если Его Величество со мной ещё немного пообщается, его не в «Олений парк», а в «дурку» отправлять придётся. У бедного Людовика и так сегодня день не задался, со мной повстречался.

Музыка всё-таки заиграла, и мы пошли танцевать.

Хорошо, что король, как выяснилось позже, выбрал простую куранту, а не сложную. Мы танцевали вдвоём, а все присутствующие улыбались и обсуждали нас, короля с восторгом, меня с недоумением. Нет, я, конечно, очень старалась, и даже иногда попадала в такт, но не всегда.

К всеобщей радости танец закончился и король, предлагая мне руку сказал: «Вы совершенно не владеете искусством танца, милочка. Вас следует хорошо выучить. Я думаю, у меня найдётся время для нескольких уроков».

«Молчи, — воскликнул у меня в голове граф, вероятно проникшись кровожадным выражением моего лица, — просто промолчи. Я тебя умоляю».

«Окей, — ответила я графу, — я сейчас молча проглатываю эту шнягу, а Вы граф, исполняете за это, одно моё желание. Идёт?»

«Даже не хочу знать, что такое «шняга», — ответил граф, — хочу только уточнить, какое будет желание?»

«Ещё не придумала, — честно призналась я, но это будет обязательно что-нибудь грандиозное».

«Но не предсказание будущего», — сразу же оговорил Калиостро.

«Какое будущее, граф? — ответила я, — нам бы с прошлым разобраться».

«И по возможности без скандала, — добавил граф, — я согласен».

Опустив глаза, а заодно и подбородок, я уставилась в пол, разглядывая узор на паркете.

— Почему Вы молчите? — спросил удивлённый король.

Я набрала полную грудь воздуха и услышала тихий шепот графа у себя в голове: «Желание, графиня».

«Твою маму, Ваше Величество», — мысленно выругалась я, но вслух лишь пролепетала, — это большая честь для меня, обучаться танцам лично Вами, Ваше

Величество!

Щёки мои пылали кумачом, и никто, вернее сказать почти никто не догадывался, что это не лёгкий стыдливый румянец, украшает нежные девичьи щёчки, а едва сдерживаемая силой воли и желанием получить все-таки от графа своё желание, кипучая и могучая ярость, поднимает свою буйную голову.

«Уйдешь ты сегодня уже куда-нибудь — мысленно, ни у кого конкретно, поинтересовалась я, — индюк напыщенный?»

«Уже», — ответил мне граф, и я увидела удаляющуюся от меня венценосную спину.

— Какое счастье! — вслух выдохнула я.

Мои глаза встретились с глазами «Ёлки», которая ехидно заметила: «Я смотрю, Вы, дорогая дебютантка, время даром не теряете. Прямо сразу в «Олений парк» напросилась, ни как-нибудь».

— Изыди, — отмахнулась я от навязчивого недоразумения, — завидуй молча.

Покрутив головой в поисках знакомых лиц, которых, как и предполагалось, рядом не оказалось, я заскучала.

Князь, исполняя роль хозяина бала, был несколько занят наметившейся дуэлью между, так опрометчиво мной отшитым поручиком и неопределённого рода деятельности господином, предъявляющим поручику какие-то претензии.

«Что там происходит, граф, — позвала я Калиостро, уже привычно, мысленно».

«Ничего нового, — ответил граф, — барон требует, чтобы поручик женился на его дочери».

«А барон этот, не Мюнхгаузен? — спросила я, — потому как если это тот барон, о котором я говорю, то он всем известный сказочник и ему никто не верит».

«Думаю, прекрасная графиня, — сказал мне граф, — что барон Мюнхгаузен, просто убил бы поручика, не прибегая к скандалу. Мюнхгаузен прекрасно владеет оружием и с большим удовольствием проткнул бы поручика шпагой, или продырявил бы из пистолета. Это как вам будет угодно, графиня».

«А есть основания к таким требованиям?» — скуки ради поинтересовалась я.

«Скорее да, чем нет, — ёмко ответил граф, — простите графиня, я буду несколько занят предотвращением узаконенного убийства, так как этот барон с роду оружие в руках не держал, а Ржевский известный дуэлянт и забияка».

«Бог в помощь, мысленно пожелала я, — жаль, что этот барон оказался не Мюнхгаузен, — вздохнула, и переключилась на свою пропавшую тётку — агоу, Роза, где ты? Может, уже вспомнишь, дорогая, зачем ты здесь и уделишь мне немного своего драгоценного внимания».

Роза нашлась не сразу, но когда всё-таки нашлась, удивила меня до невозможности.

«Что случилось?» — еле слышно прозвучал у меня в голове поникший голос всегда жизнерадостной тётушки.

Голос Розы показался мне вялым и безжизненным, и я потребовала, — «Это ты мне скажи, что у Тебя случилось?»

Роза шумно вздохнула и сказала: «Не верь мужчинам, Нежа. Никому из них не верь. Все они подлецы и лицемеры».

«Тааак, — протянула, я слово давая Розе время перестать хлопать носом, — а теперь подробно, что случилось?»

«Он бросил меня, — зарыдала Роза, — и увлёкся другой».

«Интересно, на какую Корзиночку он тебя променял?» — действительно интересуясь сложившимся, почти адюльтером, спросила я.

«Ах, — вздохнула Роза, — какая там, Корзиночка?! На бал явилась Нихонсю».

«Дал же Бог имечко, — дёрнула я головой. — Кто эта Нихо-Лихо? Ты с ней знакома? Откуда взялась?» — из меня высыпались вопросы, как из рога изобилия.

«Новенькая она. В нашем обществе первый раз. Японка, — рыдала Роза, — вот он и увлёкся».

«Гейша, что ли?» — уточнила я.

«Нет, — ответила мне Роза, — Гейша — это конфеты с ликёром, а эта, — она выдохнула, и изящно высморкавшись в платок, продолжила. — Она из благородных, в смысле из алкогольных будет».

«Сокэ, что ли? — изумилась я, — а кто её на бал пронёс, в смысле, кто её сюда притащил, короче, Роза, с кем она заявила?»

«Говорит, — сдала Нихонсю Роза, — что она из сопровождения самураев».

«Час от часу не легче, — подумала я, — вот только опившихся нихонсю самураев, делающих себе на почве передоза харакири, Князю сейчас и не хватало».

Воображение, срочным образом, рисовало мне картины одна страшней другой, и пришлось даже хорошенько помотать головой из стороны в сторону, избавляясь от навязчивых видений, а Розе я сказала: «Плюнь, Розалия. Плюнь, на того мужчину, кто в тебе красоты не увидел. А если увидел и не оценил, плюнь на него дважды. Потому как калека он, эстетико-кулинарный калека. Вот, что я тебе скажу по этому поводу. Гони ты своего Капитана, куда подальше. Пусть теперь его самурайская, — я хотела сказать кто она на самом деле, но постеснялась. Роза всё-таки натура утончённая ей про такое знать не положено, хоть она и с опытом. Решила закончить фразу более лояльно, — водка развлекает».

«Она сказала, что она не водка», — грустно выдохнула Роза.

«Конечно, — тут же поддержала я товарку, — кто ж признается в приличном обществе, что он прямой потомок самогона. Все в благородные хотят».

Мы помолчали, и я что б как-то разрядить обстановку поинтересовалась: «Что у вас там ещё нового?»

«Ой, — воскликнула Роза, — у нас там совершенно новый мужчина появился. Наполеон».

«Это который бенди, торт или император?» — решила сразу определиться я, так как удивляться на этом балу уже ничему не приходилось. И вполне могло обнаружиться, что сам Император НаполеонI Бонапарт, прихватив с собой бутылочку бренди «Наполеон» и тортик тёзку, явился к милейшему Князю Дракуле, весело кутить и развлекаться.

«Роза, — позвала я притихшее Сиятельство, — ты чего молчишь?»

«Я не знаю», — расстроено ответила Роза.

«Что ты не знаешь?» — не поняла я.

«Я не знаю, — пояснила Роза, — как отличить одного Наполеона от другого. И поэтому я не знаю, какой это Наполеон».

«Так, Роза, — сказала я, — сосредоточься и вспомни. Этот твой новый мужчина, который Наполеон — он крепкий, как капитан Морган, сладкий как ты, или в такой шапке, треугольной?»

Роза задумалась, а потом радостно сообщила: «Про шапку ничего не помню, у нас

кавалерам в помещении в головных уборах не прилично находится, а вот по поводу остального точно могу сказать мужчина крепкий, а целуется как сладко...», — и моя дуэнья утонула в мечтах и воспоминаниях.

«Э, Розалия, — решила я спасти утопающую, хотя это и есть дело рук их самих, — а откуда про поцелуи инфа? Опыт?»

Роза, вынырнув из бушующего моря эмоций совершенно спокойно ответила: «Конечно опыт, что же ещё?! Просто опыт может быть свой и чужой, как и ошибки. Так вот, деточка, — Роза, вдруг вспомнила, что она старшая в нашем тандеме, — учится лучше на чужих ошибках».

«А опыт приобретать самостоятельно, — закончила я зависшую в воздухе мысль, — и вот теперь скажи мне Сиятельство Таврическое, почему ты до сих пор не окучила крепко-сладкого мужчину марки «Наполеон», а рыдала из-за какого-то там капитанишки.

«Он не какой-то там», — попыталась возразить Роза.

«Он, — я сделала эффектную паузу, — разбил тебе сердце! А Наполеон, между прочим, может оказаться императором, — добивала я, — а ты, если подсуетишься — императрицей!

«А какой из них император? — заинтересовалась моя тётя-торт.

И вот, что ей на это ответить, если не императором из троих может оказаться только тот, который сладкий и который торт, но возможно именно он классно целуется?! А это надо заметить тоже очень неплохо.

«Знаешь, Роза, — выдала я, — бери, какой есть. Там разберёшься. Может и не нужен тебе будет к тому времени император. Если окажется, что император тот, который в шапке, так этот тебе точно не нужен».

«Это ещё почему?» — поинтересовалась Роза.

«Он войну 1812года проиграл, — сказала я, — зачем тебе неудачник».

«Фу, лузер, — скривилась Роза, — в шапке брать не буду».

«Иди, давай, действуй, — напутствовала я дуэнью, — а то пока мы с тобой выясняем, нужен он тебе или нет, очередная Метакса объявится и наложит лапу на твоего Наполеона».

«Не наговаривай на Метаксу, — вступилась моя Светлейшая донна за греческий коньяк, — она очень мягкая и такая приятная, прям душу греет. А главное, ведёт себя достойно, не то, что некоторые японки, — пустила шпильку Розалия, — хотя у них там, в Греции, знаешь как с мужиками трудно?»

«А где с ними легко? — поинтересовалась я, — в Голландии вон, тоже не всё так просто. Голландия она вообще — страна контрастов, и ничего. Живут же как-то».

«А, что собственно, Вы молодая леди, имеете против Голландии?» — услышала я в своей голове скрипучий старческий голос.

«Против? — совершенно искренне удивилась я, — да, как Вам, милейший, такое в голову могло прийти!»

Поискав глазами говорившего в моей голове и так его и не обнаружив пришлось продолжить свою пламенную речь в никуда, — я, между прочим, в восторге от трех вещей: голландской живописи, тюльпанов и грибов».

«Каких грибов? — удивился старичок. Судя по всему по поводу живописи и тюльпанов наши мнения совпадали.

«Галлюциногенных, — сказала я, — каких же ещё, — а вы сами кто, простите, будете? И что собственно вы в моей голове делаете? — решила поинтересоваться я.

«Я, деточка, Хендрик Антон Лоренс, — представился вписавшийся в разговор

дедуля, — слышали о таком?»

«Если я скажу, что слышала, но не могу вспомнить, что именно — Вы мне поверите?» — сгорая от стыда, спросила я. Было крайне неловко от того, что я слыхом мне слышала о таком, судя по его представлению, выдающемся деятеле.

«Эх, молодость, — вздохнул голландский Антон, — я, деточка, физик. Нобелевской лауреат 1902года, создатель классической электронной теории».

«Простите великодушно, — попросила я, — не сильна я в физике».

«Зато в грибах великолепно разбираетесь», — поддел меня старичок и отключился.

Роза, нашего с физиком разговора не слышала, а потому оставшись на своей волне, продолжила тему: «Про Голландию ничего не слышала, говорить не буду, — ответила мне Роза, потихоньку припудривая носик, — а вот про Грецию слышала. Сложно у них там всё. Исторические предпосылки, этническая обусловленность, память клеток», — давила на меня Роза интеллектом, и где только слов таких нахваталась?!

«Всем сейчас сложно, — философски заметила я, — а ты пойд и срази наповал этого несчастного, своей красотой. Помнишь, красота — это страшная сила?! Иди уже давай, примени её по назначению».

Роза растворилась, как и не появлялась.

«Что-то давненько меня никто ангажировать не пытался, — подумала я, — как-то даже странно. Я на балу уже, столько времени и ни одного разбитого сердца. Вон мой торт и та успела и своё разбить и по чужому потоптаться. Живут же люди!» — завистливо вздохнула я.

ЧАСТЬ 6

В зале стало ощутимо прохладно, и я зябко повела плечами. Не понятно, откуда потянуло сквозняком. Я стала оглядываться в поисках источника сквозняка и увидела как в распахнутую ветром балконную дверь прямо со снежного облака, в зал вошла девушка. Сказать, что она вошла, будет не правильно — она всплыла на облаке, тут же растаявшим под её ногами.

— Граф, — вслух позвала я Калиостро, совершенно забыв, что могу обратиться к нему мысленно, — не могли бы попросить кого-нибудь, прикрыть двери. Дует.

Граф Калиостро, находившийся в другом конце зала подарил мне одну из своих загадочных улыбок и, щёлкнув пальцами, легко прикрыл балконные двери.

— Спасибо, — выдохнула я, — Вы спасли меня от обморожения.

«Не стоит благодарности, — пронеслось у меня в голове. И, дорогая графиня, уделите внимание госте. Кажется, с Вами желают пообщаться».

Я, улыбнувшись графу, повернула голову к вошедшей в зал девушке. Она была одета в длинное белое платье, струящееся по фигуре с открытыми плечами. Девушка была на удивление естественна, совершенно без каких либо украшений. Светлые волосы убраны в строгий узел на затылке, лицо без грамма косметики, поражало своей свежестью и выразительностью. Девушка не была красавицей в классическом значении этого слова. Её так же нельзя было назвать милой, прелестной или пикантной, но было в ней что-то такое, что не позволяло отвести от неё взгляда.

Наши глаза встретились, и я поразилась разочарованию, мелькнувшему в глубине её ярко синих глаз.

— Спящая, — сказала девушка и слегка презрительно прищурила глаза, — а пора бы уже проснуться, — фыркнула она.

— Это Вы о ком сейчас сказали? — поинтересовалась я.

— О тебе, — ответила девушка, — сколько тебе лет шестнадцать, семнадцать?

— Семнадцать, — ответила я, пока ещё не понимая к чему весь этот разговор.

— Вот видишь тебе уже семнадцать, — с сожалением выдохнула она, — а сердце твоё ещё спит. Не боишься всю жизнь проспять? — спросила она.

— Не боюсь, — ответила я, ощущая, как в душе поднимается глухое раздражение на собеседницу, — а Вы кто собственно будете? — решила спросить я, раз собеседница не представляется сама и нас никто не спешит представить.

— Ты даже не знаешь, кто я! — возмущённо сказала собеседница, — а самой уже семнадцать.

— На Вас, к огромному сожалению, бейджика с именем и должностью нет, — не скрывая своего раздражения, выдала я, — поэтому я и не знаю, кто передо мной, — обращаться на Вы, к девушке из облака у меня не было ни малейшего желания, и я старательно строила фразу, избегая такого обращения.

Девушка, проходившая вглубь зала, остановилась и удивлённо посмотрела на меня, как будто только что увидела впервые.

Я же обратила внимание на её спину, за которой реяли два больших птичьих пера.

— Что это у Вас — удивленно спросила я, — за спиной болтается?

— Это крылья, — ответила мне девушка, — и они не болтаются, а гордо реют.

— Два пера по определению не могут, во-первых быть целыми крыльями, а во-вторых, — сделав паузу и внимательно посмотрев за спину незнакомке, продолжила свою мысль, — гордо реять.

— Много ты в крыльях понимаешь?! — фыркнула девушка с перьями.

— Я может и не много, — согласилась я, — но для маскарадного костюма, если б мне такой понадобился, хоть литературу какую-нибудь почитала. И знала бы как выглядят настоящие крылья. Ты вообще, кого изображаешь?

— Я не изображаю, как ты только что выразилась, — уже явно злилась девица, — я ангел. И я им являюсь.

— Кому? — поинтересовалась я.

— Что кому? — не поняла девушка.

— Являешься кому? — уточнила я вопрос.

— Кому надо тому и являюсь, — гордо ответила та.

— А кому не надо? — не отставала я, — Вот мне, например, совершенно не надо явление ангела с облезлыми крыльями. Я, девушка ранимая, ангелов ни разу не видевшая, как мне после тебя в настоящих ангелов верить? — спросила я.

Девушка задумалась, и явно не зная, что ответить, просто пожала плечами. Вроде как, говоря — как хочешь, так и вверь. Мне то, какое дело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ангел? — недоверчиво переспросила я, — а ты ангел чего?

— Я, Серафима, младший ангел любви, — гордо ответила она.

— Младший, — не поверила я, — а как же купидоны? Ты хочешь сказать, что они старше тебя? Не верю.

— Какие купидоны? — не выдержала Серафима. — И где ты их здесь видишь?

— Видишь ли, Фимочка, — решила я сократить её имя до более удобного, я здесь до тебя ни одного ангела не видела. Так что если ты ангел, то сегодня пока единственный, а, следовательно, старший.

— Я тебе не Фимочка, — буквально пылала от сдерживаемой злости девушка.

— Но, согласись, — назвать тебя Серочкой, — было бы, наверное, не правильно. Ангел не может иметь имя, хоть и косвенно, но связанное с адом, если только он не падший ангел. Ты случайно не падала? — уточнила я.

Ангел фыркнула, пробормотав что-то про «глупых спящих» и увидев Князя, направилась к нему.

«Граф, — позвала я уже мысленно, — что это за ошипанное недоразумение, именуемое младшим ангелом.

«Понимаете графиня, Серафима, действительно является ангелом», — ответил мне граф.

«Каким?»- решила уточнить я.

«Любви», — ответил мне Калиостро.

«Ой, граф, перестаньте, — ни минуточку не поверила я Калиостро, — она такая же ангел любви, как я танцовщица, этой Вашей куранты, что б она Людовику во сне снилась».

«И, тем не менее, — без тени улыбки в голосе, сказал мне граф, — так оно и есть».

«А почему ангел ошипанная?» — удивилась тогда я.

«О! — мечтательно выдохнул мой собеседник, — это очень интересная история. Когда-то самая младшая из выпускниц академии «Света и Тьмы» поспорила с молодым демоном со своего выпуска, что чистая любовь, представителем которой тогда являлась Серафима — это дар небес, а страсть — это проклятье. Демон возражал, считая, что любовь без страсти, пресна как еда без соли. Они поспорили и в подтверждение своих слов, каждый должен был, через неделю, на выпускном вечере, представить подтверждение своей правоты.

«И что было дальше?» — сторая от нетерпения, спросила я.

«А дальше, — моя дорогая графиня, продолжил свой рассказ граф — Серафиме не повезло встретить Вашу бабушку».

«В каком смысле, встретить бабушку? — не поняла я.

«Я неверно выразился, — сказал граф, — это была Вам не бабушка, вернее не совсем бабушка. В общем, очень дальняя Ваша пра-родственница. Звали её Анна, ей было шестнадцать, когда к ней явилась Серафима и подарила чистую, как небесная высь, любовь. Девушка была счастлива как ребёнок первые три дня, а потом чем дальше, тем больше её стали одолевает сомнения, так ли хорош дар преподнесённый ангелом. Люди стали крутить у виска и говорить, что девушка стала блаженной, а жених, за которого была просватана девушка, и вовсе отказался на ней жениться, говоря, что его невеста теперь не от мира сего. Девушка излучала совершенную любовь ко всему и была абсолютно бесстрастной. Анна не могла переживать сильные эмоции. Бури страстей стали для неё недоступны. Вероятней всего, это не устроило Вашу пра-родственницу, и она пошла к ведунье попросить помощи. Та, недолго думая, вызвала демона. С этого времени не было больше блаженной Анны, от ведуньи вернулась совершенно другая девушка, яркая, живая, уверенная в себе и с рыжими волосами. Её повстречал, возвращавшийся с охоты граф Розумовский, и Анна в сором времени, стала графиней. Серафима проиграла спор и лишилась своих белоснежных крыльев. Теперь прежние крылья появляться за плечами ангела только раз в год — в новогоднюю ночь, с боем часов, оставшиеся перья опадают и возрождаются новые, которые в течение года постепенно выпадают, — завершил свой рассказ граф.

«А с пра-родственницей моей, — заинтересовалась я, — что стало?»

«Анна стала ведьмой, — как само собой разумеющееся сообщим мне граф, — причём очень искусной».

«А я?» — не удержалась я от вопроса.

«А в Вас, дорогая графиня, — сказал граф, — только капля крови Анны Розумовской, но и от неё может быть польза».

«И в чём будет выражаться эта польза?» — заинтересовалась я.

«Пока не знаю, — сказал граф, но точно знаю, что Вы единственная из всех её потомков унаследовали кровь великой Анны».

«Так всего ж каплю, — выдохнула я, — этого так мало».

«Для ведовства мало, — а вот для снятия проклятья, в самый раз. Там больше и не надо».

«С кого будем снимать, — оживилась я, — я готова».

«Не торопитесь Неждана, — сказал граф, — всему своё время».

Пока я мысленно общалась с графом, в зале, в который раз за вечер, повисла звенящая тишина. Бросив мимолётный взгляд на ангела, вернее, её спину с огромными белыми перьями, понуро свисающими и создающими ощущение своеобразного шлейфа, я всё же

решила уточнить.

«Граф, — мысленно позвала я, — это опять в мою честь зал затих?»

«Не хотелось бы Вас расстраивать графиня, — пришло мысленно от Калиостро, — но на этот раз возмутительницей праздничного веселья являетесь всё-таки не Вы».

«Да? — искренне удивилась я. — А кто же тогда?»

«Если Вы посмотрите внимательно, то без труда обнаружите того кого ищите», — сообщил граф и отключился.

«Очень интересно», — подумала я, уже ни к кому конкретно не обращаясь, и стала глазами искать возмутителя бального веселья.

Как и предупреждал граф, долго искать не пришлось. В центре зала, там, где раньше находился Князь, стоял совершенно голый парень, с небольшими темными перьями за спиной. Опущенные руки парня были связаны грубой верёвкой на запястьях, и безвольно опускаясь вдоль тела, прикрывали самое стратегически важно место, сходящимися вместе кистями. Голова незнакомца была закинута вверх, взгляд устремлён в потолок, как будто всё самое интересно происходило на потолке, а не в зале. Надо отдать должное парню — он был невероятно хорош. Мой старший брат Алики, и многие Васькины друзья, увлекаясь спортом, имели очень хорошие фигуры, но то, что я видела перед собой, выходило за рамки моей фантазии.

Зал затаив дыхание, беззастенчиво разглядывал незнакомца. Благородные дамы, да что там греха таить, и не дамы тоже, так смотрели на крылатого парня, что казалось ещё секунда, и они кинутся на него, сбивая друг друга в безумной гонке.

— У меня есть три вопроса, — ни к кому конкретно не обращаясь, вслух сказала я.

Слова произнесённые в совершенно тихом зале, надо сказать, что музыканты по какой-то причине тоже замолчали, произвели эффект ударившей в дерево молнии. Зал одновременно вздрогнул и ахнул, а я продолжила спрашивать.

— Первое, — поинтересовалась я, — почему парень связан, второе — кто поломал ему крылья, и третье — почему он раздет, когда все в зале одеты?

Так как никто не спешил мне ответить, пришлось обратиться непосредственно к Князю.

— Простите, Князь, — позвала я хозяина бала, — не могли бы Вы просветить меня по этому поводу.

— С удовольствием, графиня, — сказал неизвестно откуда появившийся за моей спиной Князь, — я отвечу Вам даже на тот вопрос, который Вы не задали.

Я удивлённо приподняла бровь, похлопывая сложенным веером по левой ладони.

— Графиня, Вы не спросили кто это? — улыбаясь, сказал Князь.

— Вы правы, Князь, не спросила, — бросив взгляд на незнакомца, вернула я своё внимание Князю, — но с удовольствием узнаю.

— Этот молодой человек — демон, — сказал Князь.

Я повернулась к парню и постаралась найти что-нибудь указывающее на его принадлежность к демонам.

— А где рога? — спросила я, уточнив для себя, что кроме нечеловечески красивого тела и небольших крыльев за спиной незнакомец ничем не отличается от остальных мужчин.

— Зачем ему рога? — изумился Князь.

— Так ведь он демон, — сказала я.

— Вы думаете, дорогая Неждана, что все демоны носят рога? — поинтересовался Князь.

Я кивнула, а он, покачивая головой заметил: «Рога атрибут совершенно не обязательный. Тем более что демон сейчас в человеческом обществе».

«Ой, ли? — мысленно выдохнула я, — здесь на каждый квадратный сантиметр пола можно встретить, кого угодно и вероятность напороться на человека ничтожно мала».

«Граф, — позвала я Калиостро, — поговаривают, что Вы из ртути золото варить умеете — это правда?» — уточнила я.

«Вам надо золото?» — ответил мне вопросом на вопрос граф.

«Нет, — не скрывая досады, ответила я, — мне нужна мужская одежда для вот этого молодого человека. И лучше если это будет фрак», — уточнила я.

«Сожалею, дорогая графиня, но ни чем не смогу Вам помочь, — вздохнув, ответил граф, — даже золото, как Вы правильно заметили, из чего-то варится. Не могу же я сделать фрак из воздуха. Это будет уже не фрак, а иллюзия, а как я понимаю, Вам нужен настоящий фрак».

«Да, — ответила я, — фрак должен быть настоящий, и не только фрак. Всё, что положено иметь на балу лорду, я бы хотела видеть на этом парне».

«Нет ничего проще графиня, — сообщил мне Калиостро, — если будет исходный материал».

«Много», — уточнила я.

«Давайте так, графиня, — что бы сразу расставить все точки над «I» сказал граф, — носового платка мне не хватит».

«А юбки?» — поинтересовалась я.

«Вашей? — заинтересовался граф, — одной нет, но двух, я думаю, вполне должно хватить и на фрак и на всё, что необходимо, кроме обуви, естественно».

«А из чего Вы, граф могли бы сделать пару обуви? — поинтересовалась я.

«Для пары прекрасных бальных туфель вполне могли бы подойти Ваши перчатки», — ответил мне граф.

«Хорошо, — мысленно сказала я графу, подождите минуточку», — и начала поиски своей дуэньи.

«Роза, дорогая, — мысленно звала я девушку, — ты мне очень нужна».

«Что случилось?»- услышала я в голове.

«Роза мне нужна твоя помощь. Без тебя я не справлюсь», — сообщила я и стала ждать.

Не прошло и минуты, как рядом со мной оказалась раздумывавшая от танцев и возможно чего-то ещё Роза.

— Чем помочь? — поинтересовалась Роза, из-под ресниц разглядывая связанного красавца.

— Давай оденем мальчика, — предложила я.

— Зачем? — вырвалось у Розы, но она тут же поправилась, спросив, — во что?

— Вот в этом то и проблема, — выдохнула я, — граф любезно согласился помочь нам в этом вопросе.

Роза удивленно приподняла красивые бровки и спросила: «Тогда я здесь зачем? Я буду его одевать?»

— Нет, дорогая, — расстроила я девушку, — ты будешь помогать меня раздевать.

Брови Розы поползли ещё выше, выдавая полное недоумение.

— Вы хотите Его одеть в Ваше платье? — изумилась Роза, — Но тогда в чём останетесь

Вы? И захочет ли Он находиться на балу в женском платье? — сыпала вопросами моя дуэнья.

— Роза, — прервала я неиссякаемый поток, — сколько в моём платье юбок?

— Двадцать четыре, — тут же ответила Роза, — а что?

— Кроме верхних, просвечивающихся, какие ещё есть? — уточняла я.

— Из сатина, атласа и бязи с оборочками, — не понимая, к чему я клоню, отвечала Роза.

— Роза, помоги мне избавиться от атласной и сатиновой нижних юбок, — тоном, не терпящим возражений, сообщила я.

— Здесь? — с ужасом в глазах, уточнила Роза.

— Здесь, — ответила я, — а граф нам поможет.

«Боюсь графиня, что может возникнуть скандал, если вы у всех на глазах станете избавляться от нижних юбок», — сообщил мне граф.

«Но уходить из зала нельзя, — ответила я графу, — вот не спрашивайте почему, граф. Я просто знаю, что покидать зал нельзя».

«Тогда попросите помощи у Князя, — посоветовал граф, — думаю, Вам он не откажет».

«Спасибо за совет, Калиостро. — мысленно ответила я и позвала Князя, — Ваше Сиятельство, не могли бы Вы мне помочь?»

«С удовольствием графиня, а что вы хотите?» — уточнил Князь.

«Хочу попросить Вас, Князь, опустить на меня и Розу полог тумана, чтобы мы могли незаметно для окружающих снять две мои нижние юбки», — сказала я.

«Очень интересно, заметил граф, — а зачем Вам, графиня всё это?»

«Хочу одеть голого демона, в соответствующий обстановке наряд, — сообщила я. — Граф Калиостро обещал помочь и преобразить мои юбки во фрак и всё что необходимо, а из лайковых перчаток сделать пару бальной обуви».

«Похвальная затея, — улыбнулся Князь, — вот только позвольте поинтересоваться, а демону это нужно?»

Я удивлённо посмотрела на демона, которого мало заботила собственная нагота. Темноволосый парень, с правильными чертами лица был совершенно отрешен. Его не заботило происходящее в зале, не волновали люди с их жадными взглядами и буквально капающей на пол слюной от еле сдерживаемых желаний.

«Думаете, это лишнее?» — решила уточнить я.

«Думаю, что нагота демона смущает в первую очередь Вас, дорогая графиня, и в самую последнюю его самого. Демоны прекрасно относятся к виду своего обнаженного тела и чувствуют себя при этом вполне комфортно. Так, что, — подвел итог своим мыслям Князь, — давайте оставим Ваше платье в первоначальном виде и обойдёмся без жертв».

«Ну, — задумалась я, — если Вы в этом так уверены, то возможно так будет правильно».

«И не сомневайтесь графиня, костюм это совершенно не то, что может помочь демону этой ночью».

«А что ему может помочь?» — поинтересовалась я, но мой вопрос остался без ответа, а круг лиц, алчно разглядывающих демона, стал как-то сжиматься.

Мне стало не по себе. Страх, ледяной рукой, схвативший за сердце, подкатил тошнотворным клубком, к самому горлу.

— Князь, что происходит? — плохо скрывая в звенящем голосе страх, спросила я.

— Ничего особенного, — выдохнул Князь, — ежегодное развлечение для высшего общества.

Догадки одна ужасней другой стали хаотически мельтешить перед глазами и я, опасаясь перепугать себя ещё больше, буквально взмолилась: «Не томите, Князь, что за развлечение?»

— Когда круг полностью сомкнётся, они кинутся на него, в страстном исступлении желая урвать себе кусочек от вожаемого объекта.

— И Вы это допустите? — зло, сверкнув глазами, поинтересовалась я.

— Да, дорогая графиня, — устало сказал граф, — я ничего не могу с этим сделать. Молодого демона, соблазнившего Вашу пра-родственницу и подарившему ей часть своей силы, из академии «Света и Тьмы» выгнали. Рассчитывали, что он раскается и попросит прощения, но просчитались. Демон остался при своих убеждениях и для того, что бы его сломить было предпринято ряд довольно таки серьёзных шагов.

— Сломить? — переспросила я, — Зачем его ломать? Ведь спор был честным и он честно победил?

— Ну, сломил это я, конечно, оговорился, — одёрнув рукав сюртука, сказа Князь, — в официальном документе это значилось, как убедить в его заблуждении и соответственно переубедить. Спорить в академии строго запрещено. Последствия могут быть самыми печальными вплоть до отчисления.

— Так они ж его уже отчислили, этого что мало? — удивилась я.

— Понимаете, графиня, — Князь, подыскивая слова, нервничал, что на фоне его исключительного спокойствия, сильно бросалось в глаза, — он был просто молодой демон представляющий страсть, а она ангел. И не какой-нибудь, заметь, а чистой любви. Там наверху решили, что будет правильно, если демон раскается, но он не раскаялся. Сначала его изгнали из академии, потом наложили запрет на одежду в общественных местах, которые он обязан был посещать не реже двух раз в год, на Хэллоуин и на Новый Год.

— Это невероятно, — выдохнула я, — ангел любви всего лишь теряет крылья в течение года, а не демона такие напасти. Где же справедливость?

— Вы ещё очень молоды графиня, — грустно улыбнулся Князь, и много не понимаете. Не всегда справедливость, в общепринятом понимании этого слова, торжествует. Могу я предложить Вам прогуляться? — совершенно неожиданно спросил Князь.

— Куда и зачем? — автоматически поинтересовалась я, наблюдая за всё более сжимающимся кольцом вокруг связанного демона.

— Куда хотите, — ответил Князь, — хоть в оранжерею, хоть в картинную галерею. У меня очень не плохая коллекция картин.

Вторую часть моего вопроса Князь проигнорировал и попытался взять меня за руку, чтобы перенестись в другое место, но я ловко вывернула свою руку из-под его протянутой руки.

— Погодите, Князь, — замахала я руками, — Вы уводите меня из зала, что бы я не видела что эти..., - я задохнулась от возмущения и негодования, и не найдя подходящего слова, продолжила, — с Ним сделают.

— Да, графиня, — просто ответил Князь, — я Вам очень настоятельно рекомендую удалиться.

— Они связали его, чтобы он не мог сопротивляться, а крылья сломали — чтобы не улетел? — выдохнула я свою догадку.

— Вы почти угадали графиня, — подхватывая меня под руку, заметил Князь, — крылья

ему сломали, чтобы он не мог летать в принципе. Все ангелы и демоны летают, ему же приходится прорывать пространство. Согласитесь, что это в двойне тяжелее делать со связанными руками.

— Если они его разорвут, он умрёт? — спросила я.

— Нет, дорогая, — мягко улыбнулся Князь, — демоны бессмертны. Ему будет очень больно и придётся восстанавливаться, но это не убьёт его.

Мы оказались в зимнем саду Князя. Вокруг нас благоухали цветы и радовали глаз своей зеленью растения.

— Князь, — решительно сказала я, — вернёмся в зал.

— Графиня, — достаточно жестко возразил мне Князь, — я бы настоятельно рекомендовал Вам остаться здесь.

— Нет, — не менее жестко ответила я и выдернула руку, — Князь я прошу Вас перенести меня обратно в зал.

— Вы уверены, что хотите это видеть? — ошарашено спросил Дракула.

— Я уверена, что хочу это предотвратить, — слегка сощурив глаза, ответила я.

— Желание гостыи — закон, — глядя мне в глаза сказал Князь, — и не говорите, дорогая, что я Вас не предупреждал.

— Не волнуйтесь, не скажу, — в тон Князю ответила я.

Понятия не имею, откуда у меня взялась решительность и уверенность в правильности того, что я делаю, но последние сомнения растаяли, как только мы вернулись обратно в зал.

Невозмутимый демон со связанными руками был охвачен плотным кольцом приглашенных гостей. Это безразличие, расслабленная поза и полная отрешенность от происходящего, ярко контрастировали с лицами окружающими его людей. Вот уж действительно — страсть во всём своём проявлении. Мне казалось, что присутствующие забыли не только о манерах и воспитании, принятом в обществе, но и о том, что являются людьми, или таковыми когда то были, а не хищными животными, алчущими накинуться на свою добычу.

Больше ждать было нельзя и я, ведомая неизвестной мне силой, громко крикнула: «Остановитесь!»

На мгновение замерев, толпа повернула ко мне свою оскаленную морду.

— Остановитесь немедленно, — тоном, не терпящим возражений, сказала я, — по праву крови этот демон мой!

Толпа ахнула и чей-то ехидный голос спросил: «По какому это праву крови? Что-то мы о таком праве и не слышали?»

Обведя взглядом замершую в недоумении толпу я, улыбнувшись, ответила: «Я, графиня Неждана Привалова, правнучка Анны Розумовской, единственная, в чьих венах есть капля её крови именем своим и по праву крови, освобождаю демона страсти от всех наказаний, наложенных на него в связи со спором с ангелом любви!

Толпа отшатнулась от демона, а Князь в моей голове произнёс: «Браво, Неждана! Как только капля Вашей крови упадёт на пол, демон будет прощён».

«А ангел?» — так же мысленно поинтересовалась я.

«А про ангела Вы, дорогая графиня, ничего не говорили. Поэтому ангел останется, так как есть», — проинформировал меня вернувшийся к разговору граф Калиостро.

Я задумалась. Ангел, конечно, та ещё штучка, но если с тебя постоянно летит пух и перо у кого угодно испортится характер.

«Вы правы граф, — мысленно сообщила я Калиостро, — это моя недоработка, и уже вслух, — как только капля моей крови упадёт на пол, ангел любви обретёт прощение, так же как и демон страсти».

Толпа в немом изумлении взирала на меня, не до конца веря в то, что я избавлю демона от наказания, а гостей бала лишь такого изысканного развлечения.

«Граф, — позвала я Калиостро, — у Вас иголки не найдется?»

«Увы, моя дорогая, но помочь здесь Вам никто не может. Всё надо сделать самой, иначе может ничего не получиться».

Я закопошилась в поисках иголки. Или чего-нибудь, чем можно поранить палец. Люди в толпе заволновались и кто-то крикнул: «Она блефует!»

«Ах, так! — мысленно воскликнула я, — ну, тогда держитесь».

Кто-то кричал: «Не дайте её пораниться», а кто-то продолжил поползновения в сторону демона. Изворачиваясь от тянущихся ко мне рук, я громко крикнула: «Того кто тронет Моего демона — прокляну!»

Руки к демону тянуть перестали, но зато с удвоенным рвением ринулись за мной. Демон же перестав изображать памятник самому себе, с интересом стал следить за разворачивающимися перед ним событиями. Меня уже схватило несколько пар рук, и потянули в толпу, как перед глазами мелькнуло что-то яркое и до боли знакомое. «Ёлка, — подумала я, — вот тебя-то мне и послал Бог» и рванув изо всех сил в её сторону, ухватила за одну из брошек, которой так щедро был украшен наряд гостьи. Замочек брильянтовой броши в виде букета цветов больно впился в руку, и я почувствовала, как кровь выступила из ранки.

«Она поранила руки, — кричали в толпе, — не дайте её крови упасть на пол», но было поздно.

Алые капли крови яркими пятнышками выделялись на блестящем паркете пола. Руки, державшие меня, разжались и если б не граф, я обязательно грохнулась бы в самом центре бального зала.

«Как Вы себя чувствуете, графиня», — услышала я голос графа у себя в голов.

«Вполне нормально, граф, — так же ответила я, — а где демон и ангел?»

«Они исчезли, — сообщил мне Князь. — После того как вы их освободили, им больше нечего делать на балу».

«У меня поучилось?» — уточнила я, выискивая глазами демона, ангел меня интересовала мало.

Мне не ответили, но и интересующую меня личность я не нашла.

«Получилось», — констатировала я мысленно.

— Скоро полночь, — сказал Князь, — пора исполнения желаний.

Я задумалась, а в чем состоит моё желание. Я хотела побывать на балу и побывала, хотела платье — вот, пожалуйста, хотела танцы с кавалерами — страшно вспомнить. Всё исполнилось, что желалось, и я поняла, что больше всего хочу вернуться обратно, в своё время.

— Князь, — сказала я, — у Вас так чудесно, но я хочу обратно. Скажите, это возможно? — с мольбой в глазах спросила я.

— Для меня, дорогая графиня, невозможного мало, — ответил Князь, — рад был встречи с Вами, достойная правнучка своей прабабушки. Вы оживили мой ежегодный бал своей непосредственностью, живостью ума и нестандартным взглядом на решение проблем.

Нам будет Вас не хватать, дорогая, но желание гостии в Новогоднюю Ночь обязательно исполниться.

Я улыбнулась Князю благодарно и немного грустно, а он поманил меня к огромному венецианскому зеркалу, висящему на стене.

— Подойдите Неждана, не бойтесь, — улыбнулся Князь, — да и дуэнью свою захватить не забудьте.

Роза появилась возле меня, как по мановению волшебной палочки.

— Что уже пора? — разочарованно спросила девушка.

— Пора, — ответила я ей, — как там, кстати, твой император? — решила я уточнить, пока ещё есть такая возможность.

— Он оказался алкогольным бренди под названием «Наполеон Император ВСОП» такой крепкий и мягкий одновременно с невероятным фруктовым послевкусием.

— А как же твой капитан? — спросила я о старой привязанности Розы.

— Кто это? — картинно заломила бровку моя дуэнья. — Не знаю, даже о ком ты говоришь, — лукаво улыбнулась моя восхитительная дуэнья.

Мы подошли к зеркалу очень близко.

— Возьмитесь за руки, — услышала я голос Князя, — и не отвлекайтесь. Когда грани времени раскроются, смело шагайте вперёд и не оглядывайтесь.

— Спасибо, Ваше Сиятельство, — сказала я, пристально вглядываясь вгладь великолепного зеркала.

— Роза, — сказала я, когда зеркальная гладь пошла рябью, — а тебе ничего это не напоминает?

— Мне нет, а что это может напоминать? — удивилась Роза.

— Сказку, — ответила я, — Алиса в Зазеркалье.

— О нет, — выдохнула Роза, — Неждана сосредоточься, а то сейчас мы вместо дома окажемся в Зазеркалье.

— Ты против? — поинтересовалась я, заметно ослабевая хватку на её затянутой в перчатку руке.

— Нет, что ты? — перепугано, воскликнула Роза, — в Зазеркалье так в Зазеркалье.

— Раз, два, три, — громко отсчитывала я, — всё Роза нам пора, идем.

И мы одновременно шагнули в зеркальный омут.

Эпилог

Я была бы не я, если б при переходе через зеркало не зацепилась ногой за великолепную золочёную раму. В итоге в зазеркальный мир мы с Розалией не вошли, как подобает воспитанным леди, а ввалились, причём я ещё и умудрилась поскользнуться и упасть лицом в снег. Вот же растяпа!

Лежала я не долго. Мокрый снег неприятно лип к лицу, а в расстегнувшуюся на мне куртку, или во что я там была сейчас одета, неприятно тянуло холодом с обледенелой земли. Это всё совершенно не способствовало моему долгому лежанию, так сказать «мордой в снег», и я совершенно не грациозно, кряхтя и постанывая, как столетняя старушенция, сперва села на коленки, а затем уже попыталась принять окончательное горизонтальное положение. Ножки мои разъезжались, ручки размахивали в разные стороны, будто крылья мельницы, зрелище по истине печальное. Несмотря на трудности, я всё-таки сумела принять вертикальное положение и осмотревшись вокруг, обнаружила на снегу свой замечательный торт в прекрасном состоянии. Коробка с тортом аккуратно лежала на ступеньке справа от меня.

— Роза, — тихо позвала я. — Розалия, отзовись.

Ответом мне была тишина, коробка не шевелилась, и в девушку Розу не превращалась, как бы и я не гипнотизировала её глазами.

«Вот интересно, — подумала я, — а куда это меня занесло?» Я стала осматриваться и с удивлением обнаружила себя стоящей у подножья лестницы, ведущей в современный коттедж, который был по-новогоднему украшен мигающими разноцветными гирляндами. «А здесь красиво, — мелькнула у меня мысль, — осталось только определиться, здесь — это где?»

Я услышала, как хлопнули двери и, повернувшись на звук, увидела быстро спускающуюся ко мне девушку, в накинутой на плечи шубке.

— Ты Неждана Привалова? — спросила она.

Я, молча, кивнула.

— А почему стоишь у дверей и в дом не заходишь? — удивилась девушка, — ты одна единственная осталась.

— Ты Алиса? — уточнила я.

— Ну да, — согласно кивнув, согласилась девушка, — я увидела, как подъехала машина, но ты всё не заходишь и не заходишь. Вот я и решила уточнить, что тебя задержало.

Девушка была в легких туфельках и вероятно уже начала замерзать, так как слегка постукивала одной ножкой о другую.

— Я поскользнулась и упала, — сообщила я.

— Идем в дом, холодно, — подхватив меня по руку, легонько

потянула меня наверх Алиса, — и торт не забудь. Это «Киевский»? — уточнила она.

— «Киевского не было, — вздохнула я, поднимая свой многострадальный торт за ленты, купила «Троянду».

— «Троянда» так «Троянда», — пожала плечами моя проводница, — идём уже.

быстро поднялись по нескольким ступенькам, ведущим в дом. Двери были не заперты, и мы вошли в приветливое тепло.

— Заходи, раздевайся, одним словом чувствуй себя, как дома, — сказала Алиса, — а я сейчас торт отнесу на кухню и обязательно тебя найду.

Я кивнула и заозиралась в поисках вешалки, куда можно было бы пристроить мою любимую куртку. Свободной вешалки не оказалось и я аккуратно, насколько это было возможно, пристроила её на возвышающуюся, на угловом диванчике гору верхней одежды, предположительно гостей именинника.

Из приоткрытых дверей слышны были громкие разговоры и пробивающаяся непонятно откуда танцевальная музыка.

— Ну, что освоилась уже? — спросила меня Алиса, и не дожидаясь ответа, потащила вглубь дома.

Войдя в огромную гостиную, Алиса громко хлопнула в ладоши, привлекая внимание гостей.

— Внимание, внимание, дорогие гости, Неждана Привалова! — выкрикивала девушка, стараясь перекрыть общий гул голосов, — Прошу любить и жаловать! — и уже мне значительно тише, — Ты на сегодня последний запланированный гость. Отдыхай, расслабляйся, знакомься, вообще, не скучай! А я пойду. Мне ещё надо посмотреть всё ли готово к началу празднования.

Я кивнула девушке и та исчезла в толпе. Странное ощущение себя, среди толпы. Вот вроде людей много, а ты сама по себе. Странное и немного не комфортное, но заводить знакомства я не спешила.

Аккуратно обходя общающиеся группки людей, я искала глазами знакомые лица, пока не наткнулась на чей-то пристальный взгляд. Парень, который так странно на меня смотрел, был мне не знаком. Я слегка тряхнула головой, стараясь отогнать прилепившийся ко мне взгляд, и постаралась затеряться в толпе. Взгляд незнакомца прожигал мне спину. Страх не было. Просто было неприятно от такого пристального внимания.

В гостиную вошел сам виновник вечеринки под руку с миловидной девушкой.

— Дорогие гости, — сказал парень хорошо поставленным голосом, — все в сборе, так что вечеринку объявляю открытой!

Все зааплодировали, кто начал свистеть, а кто топать ногами.

— Сейчас мои помощники ознакомят вас с программой вечера, — говорил парень, мягко обнимая девушку за талию.

— Привет, — услышала я у самого уха хриловатый шепот. Из-за этого «привета» я совершенно не поняла, что там дальше с помощниками.

Я развернулась и буквально врезалась в обладателя пристального взгляда. Парень был высоким, широкоплечим блондином, с невероятными синими, как васильки глазами и с дьявольски искушающей улыбкой. Обычно таких парней сопровождает шлейф разбитых женских сердец. Подумав об этом, я непроизвольно нахмурилась, а парень удивлённо поднял одну бровь.

— Пойдём, — сказал незнакомец, беря меня за руку, — здесь слишком шумно.

— Куда? — поинтересовалась я, аккуратно стараясь высвободить своё запястье из чужого захвата. Захват был безболезненным, но очень крепким. Высвободить свою руку у

меня не получилось. Я точно знала, что никогда раньше с этим парнем не встречалась, а соответственно, знакома не была.

— Туда, — ответил парень, улыбаясь как чеширский кот.

— Я не хочу туда идти, — попыталась остановить, разрезающего людское море, как ледокол «Арктика», незнакомца.

— Да, ну? — удивился он, не останавливаясь ни на мгновение, — с чего бы это тебе не хотеть?

Я остановилась, и парень вынужден был тоже остановиться. Он развернулся ко мне лицом и, улыбаясь одними глазами, спросил: «Ты что меня боишься?»

— Не так что бы боюсь, — ответила я, продолжая высвобождать свою руку из крепкого захвата, — скорее опасаясь. Ты вообще кто? И что тебе от меня надо? — спросила я.

— Зря, — ухмыльнувшись, ответил мне незнакомец, — вот кому, кому, а тебе даже опасаться нечего, — ответил парень, совершенно проигнорировав мои вопросы.

Я невольно пожала плечами. Опасность от моего незнакомца не ощущалась, а любопытство, которое, как всем известно, стубило не одну кошку, подняло голову.

«Ладно, — подумала я, пойду, раз меня так настойчиво приглашают». По поводу приглашают, это я загнула. Когда приглашают, то обычно ведут себя несколько иначе, но вероятно, этот индивид, к другому поведению просто не привык. Не надо быть провидицей, что бы догадаться о его мега популярности в женском обществе. Думаю, что такому как он стоит только бровью повести, как девушки сами к его ногам падают. Размышляя так я, как бы со стороны, обратила внимание на то, что парень продолжал буксировать меня в известном одному ему направлении. Я ловила на себе чужие взгляды, мужские заинтересованные, женские, по большей степени ревниво-пренебрежительные. Одна из девушек так была недовольна нашим тандемом, что буквально бросилась ко мне под ноги с криками и визгами, о том, что я неповоротливая корова, испортившая ей новогодний наряд.

От такой неожиданной наглости я оторопела и стала как вкопанная, а мой незнакомец остановился и недовольный неожиданной задержкой, обернулся.

Девушка, уловив внимание к своей персоне парня, вся преобразилась.

— Я, Марина, — взмахнув накладными ресницами, буквально пропела она.

В ответ «атомный ледокол» только пожал плечами, выражая крайнюю степень безразличия. Мой ступор его совершенно не радовал и он неуловимым движением привлёк меня к себе, приобнимая за плечи.

— Я смотрю за тобой глаз да глаз нужен, — подмигнув мне, сказал парень, — идем быстрее, ещё совсем немного осталось. А то я смотрю внимание, ты привлекаешь не только женщин.

Я покрутила головой, но не заметив ни одного знакомого, чьё внимание я действительно могла привлечь, продолжила пробираться сквозь толпу, под защитой своего неожиданного защитника.

— По-моему это ты тут всеобщее внимание привлекаешь, — решила сообщить я очевидное.

— Это совершенно нормально, — склонившись ко мне, интимным шепотом, сказал мне парень. Можно сказать, что работа у меня такая, привлекать внимание.

— Ты работаешь в шоу бизнесе? — предположила я, — ты стриптизёр?

Парень округлил глаза и, усмехаясь, покачал головой. «Ну, у тебя и предположения», — читалось на его лице.

— Не совсем, в шоу, — но бизнес у меня тесно связан с людским вниманием.

— И, что? — поинтересовалась я.

Мы почти протиснулись к интересующей нас двери. Однако, неожиданная преграда в виде очередной алчущей внимания девицы, буквально выросла на пути.

— Ты далеко собрался, — мурлынула девушка и призывно выгнула спину.

Её откровенные заигрывания вызвали во мне странное чувство неловкость, как будто это не она, а я себя так беззастенчиво предлагаю.

— Я занят, неужели не видно? — раздраженно спросил парень.

— Кем? — удивилась выгибающаяся девица, — этой? — и она удивлённо подняла свои красивые бровки, — оставь её, — капризно потребовала девушка. Я лучше.

— Подожди меня, детка, — сказал ей парень, улыбаясь так, что даже у меня перехватило дыхание, — я отведу сестрёнку и вернусь.

— Так это твоя сестра, — протянула девушка и, сменив в своих глазах призрение на интерес, стала нагло меня разглядывать. Но вы совершенно не похожи, — выдавала она очевидное.

— Мы не родные по крови, — сказал парень, но обижать её я очень не советую, — последние слова были сказаны таким ледяным тоном, что у меня по спине стройными колоннами прошелся табун офигевших от страха мурашек.

Девушка капризно надула губки и картинно уставилась на парня. Не дождавшись никакой реакции, она отошла от двери и, вздохнув сказала: «Ну, ты же там недолго. Я тебя жду».

— Момент, детка, — ухмыльнулся парень, — один момент и я весь твой. Ты даже не успеешь соскучиться.

Она недоверчиво посмотрела на парня, которого совершенно не хотела никуда отпускать, тем более с какой-то непонятной сестрой, но здравый смысл все, же победил и она, не переставая призывно улыбаться, плавно отошла с нашего пути.

В моей голове роились вопросы, как пчелы в улье. Я не выдержала и спросила первое, что пришло в голову.

— Это твоя подружка?

— Нет, — ответил мне парень, — если тебе так интересно, то я даже имени её не знаю. И надеюсь, не узнаю, — добавил он.

«Странно, — подумала я, а вслух спросила, — и давно я стала тебе сестрой?»

Два метра сплошной красоты и соблазна, приостановились, посмотрели на меня долгим, не мигающим взглядом и совершенно серьёзно ответили: «Недавно. Но это уже не важно. Факт, как говорится, на лицо. И это не шутки».

Мне в голову тут же пришла дурацкая мелодия, которую крутили последнее время по всем радиостанциям: «Это не шутки, мы встретились в маршрутке под номером один»

«Боже, — подумала я, — какая маршрутка».

— А вот Бог тут совершенно не причём, — ответил на мои мысли парень и, открыв двери в самую отдалённую от гостиной комнату, галантно пропустил меня внутрь.

— Всё! — сообщил куда-то вглубь полутёмной комнату мой провожатый, — Я своё дело сделал. Сестрёнку привёл, — и уже мне, мягко оглаживая контур подбородка костяшкой большого пальца правой руки, — иди и ничего не бойся. Никогда ничего не бойся. Где бы, ты не была, ты всегда будешь в безопасности. Обещаю, — подмигнул и исчез за закрывшейся за ним дверью.

Мне показалось, что последнее слово он произнес почти торжественно. Но момент совершенно не располагал к торжественности, и я плохо понимая происходящее, решила всё-таки пройти в комнату, а не стоять истуканом у двери.

— Эй! — позвала я, есть тут кто-нибудь?

В комнате ярко вспыхнул свет, и я инстинктивно зажмурилась. Когда глаза привыкли к яркому свету, то я увидела сидящего в кресле парня. Он был темноволос и так же широкоплеч, что умело, подчеркивалось шикарной шелковой рубашкой с нескромно расстегнутым воротником. Сидящий напротив меня парень, смотрел на меня черными, как ночь глазами и мне показалось, что я его откуда-то знаю.

— Узнала? — спросил парень, — и его бархатный голос буквально окутал меня мягким теплом, как шалью.

Я всмотрелась в лицо знакомого незнакомца и не поверила сама себе.

— Ты? — удивилась я, — Но как?

— Я, — мягко улыбаясь, ответил парень, — В эту новогоднюю ночь, ты освободила меня, вновь подарив свободу и крылья. Я хочу провести эту ночь с тобой. Ты не против?

Я только и смогла, что пожать плечами. То, что я видела, было просто невероятно. Демон, который столько времени был опальным, снова обрел свободу. И всё это благодаря мне.

«Этого не может быть, потому, что этого не может быть никогда, — подумала я, — не могла же я, в самом деле, побывать на балу у Князя Дракулы?!»

— Могла, — ответил мне демон, — и побывала. А ещё умудрилась освободить демона Страсти и вернуть ангелу Чистой Любви крылья.

— Так ты и есть тот самый демон с поломанными крыльями? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Да, — просто ответил мне парень, — не узнала?

Я покачала головой.

— Ты тогда все время задирал голову вверх и лица твоего я не рассмотрела, да и не до того мне было, если честно.

— А что рассмотрела? — лукаво поинтересовался демон.

Я смутилась и, кажется, даже покраснела, на что демонюка залиvistо рассмеялся.

— Ты такая забавная, — отсмеявшись, сообщил мне этот бессовестный демон.

— Какая есть, — обижено буркнула я.

— Ну, не злись, — примирительно попросил демон, — я не хотел тебя задеть.

Я решила завершить этот странный и неловкий для меня разговор и перейти на другую тему.

— А что Серафима, — спросила я, — тоже здесь?

— Да, — ответил демон, — здесь. И очень желает облагодетельствовать тебя первой чистой любовью.

— А может не надо? — не скрывая собственного страха, поинтересовалась я, — может ну его это благодетельство.

— Это как сама захочешь, — ответил мне демон, — мы вмешиваться, не имеем права, но и тебя принуждать никто не может.

— Это хорошо, — выдохнула я.

Парень, который демон, медленно встал с кресла, и плавно перетекая в пространстве, направился ко мне.

— Ты чего? — удивилась я.

Он остановился и склонился ко мне упираясь своим лбом в мой. Его волосы черным шелковым занавесом свисали вокруг наших лиц, отрезая нас от окружающих. Глаза в глаза, делая один вдох на двоих, мы стояли и молчали, боясь разрушить очарование момента.

— Идем, — позвал меня демон слегка охрипшим голосом.

— Куда? — разорвала я зрительный контакт, хлопнув несколько раз ресницами.

— К гостям, — ответил он, возвращаясь к своему уже привычному голосу, — скоро полночь, время загадывать желания.

— Что-то у меня желания кончились, — прошептала я.

— Думаю, мы что-нибудь придумаем, — так же шепотом ответил мне демон, — Идем, Фима ждёт.

Я улыбнулась, услышав сокращённое имя Серафимы и, вложив свою ладошку в его большую, раскрытую ладонь, вышла из комнаты.

На пороге нас ожидал взлохмаченный блондин со следами помады на шеи и воротнике рубашки. Я улыбнулась взъерошенному, как воробей парню, и подмигнула.

Блондин расплылся в улыбке и пристроившись с другой стороны, подхватил меня под руку. Так идти было не удобно, особенно учитывая, что пробираться приходилось сквозь отдыхающую толпу уже слегка подпитой молодежи. Но, странным образом, нас все огибали, не создавая значительных неудобств при движении.

— Колдуешь? — тихо спросила я у блондина, головой показывая на расступающихся перед нами людей.

— Я? — притворно удивился блондин, — да никогда в жизни. Это они тебя так сильно бояться, что предпочитают не связываться.

Я совершенно по-детски показала блондину язык, и переключилась на брюнета.

— Эй, — дернула я за руку своего демона, — у меня к тебе пару вопросов.

— Давай, — не останавливаясь, кивнул мне демон, — я слушаю.

Как ни странно, блондинчик, сразу же пристроился позади нас, давая понять, что этот разговор можно считать конфиденциальным.

— Первое, — сказала я, — как мне к тебе обращаться? Не могу же я звать тебя — Эй! Или демон?! Или могу?

— Ты можешь звать меня как хочешь, — совершенно серьёзно ответил мне брюнет, — я услышу и пойму, что это ты меня зовешь, где бы, ты не была. Но, для твоего, же комфорта, ты можешь сама выбрать мне имя.

— Ты что безымянный? — удивилась я.

— Моё имя Страсть, — сказал демон, — но тебе оно вряд ли понравится.

— Это точно, — согласилась я, представив себя посередине улицы, орущей во всё горло: «Страсть, ты где? Иди сюда быстро! Ты, мне нужен!»

Комичность ситуации вызвала у меня непроизвольную улыбку. Я подняла голову и посмотрела в глаза своего демона. Он тоже улыбался. Вероятно, тайной для него, так же как и для блондина, мои мысли не были.

— Выбери мне имя, на свой вкус, — предложил демон. Это имя будет только для тебя.

— Нет, — не согласилась я, — давай выберем тебе такое имя, которое можно использовать в повседневной жизни не привлекая внимания.

Демон непонимающе приподнял точеную бровь.

— Вот смотри, — решила я развить свою мысль, — например, назову я тебя

Пафнутий.

— Как? — влез в разговор блондин.

— Не какой, — не сговариваясь хором, ответили мы с демоном.

— Какие вы грубые, — нахохлился блондинчик, но уши греть не перестал.

— И кстати, кто это, — я кивнула на шагающего, позади, меня белокурого красавца, — и почему он завёт меня сестричка?

— Давай закончим с именем, — предложил мой демон, — а потом вернёмся к «сестричке». Хорошо?

Я вздохнув, молча согласилась.

— Так в чем проблема с Пафнутием?

— Проблема в том, что так сейчас никого не называют, и соответственно не зовут, — просвещала я внимательно следившего за моим рассказом демона, — и ещё одно, если я тебя позову, то кто-то может услышать, и наверняка услышит, и решит обратиться к тебе так же. Тебе надо, что бы в миру ты был Пафнутием?

— Мне всё равно, — сказал демон, — главное, что бы тебе нравилось.

Я задумалась. Соблазн назвать его как-то оригинально был велик, но это, же был мой демон. Его имя должно быть такое же красивое, как и он сам, отражая саму суть. А Пафнутий суть не отражал, и я решительно отказалась от такого соблазна.

— А она у нас крепкий орешек, — ухмыляясь, заявил блондин, — так просто нахрапом её не взять.

— А ты пытался? — поинтересовался пока ещё безымянный демонюка.

— Естественно, — сообщила эта наглая морда, и не раз.

— А она? — продолжил свой допрос демон.

— А она никак, — грустно сообщил блондин.

— Так, прекращайте говорить обо мне в третьем лице, — вклинилась я в разговор — а ты, — ткнула я пальчиком в железные мускулы на груд брюнета, — будешь Димоном.

— Хорошо, — согласился демон, — Димон, так Димон. Только объясни свой выбор.

— Всё просто, — сообщила я, — ты демон. Демонических имён я не знаю, да и не к месту они здесь. Вот я решила, что самый ближайший вариант к демону будет Димон. Так иногда в компаниях обращаются к Дмитриям.

Демон подумал и, улыбнувшись, сказал: «Хорошо. Но тогда ты будешь произносить это не как Димон, а как Демон. А для всех остальных я просто буду Дмитрием.

— Нет, просто Димка, — поправила я, — и произносить твоё новое имя буду с ударением на втором слоге, на слух сразу и не определишь, — улыбаясь от такой грандиозной махинации, сообщила я, — кого зову Димона или Демона.

А сама подумала: «Вот уж имечко, так имечко — точно суть раскрывает, точнее просто не придумать».

— Это уже как тебе будет угодно, — милостиво согласился Демон.

— Теперь вернёмся к блондину, — решила я поставить, как говориться, вопрос ребром.

Блондин расплылся в чеширской улыбке наглого кота, а Демон, вздохнув, сказал: «Знакомься, это мой брат — Соблазн».

— К Вашим услугам, Леди, — согнулся блондин в учтивом поклоне.

— В смысле, тоже демон? — на всякий случай уточнила я.

— Само собой, — растекаясь сахарной патокой, подтвердил блондин.

— Дем, — позвала я своего демона, — а блондинчику тоже надо дать имя?

— Зачем? — удивился Демон, — ему и так хорошо.

— Не хорошо, не хорошо, — заканючил блондинистый братец, — пусть и у меня будет имя от неожиданной сестрички.

Я посмотрела на Демона, он пожал плечами, предоставляя решение по этому вопросу принять самостоятельно.

— А что это даст? — спросила я.

— Кому? — уточнил блондин.

— Мне, тебе и всем остальным, — расставила акценты в своём вопросе я.

— Нет, — обижено, как маленький ребёнок, надул пухлые губки Соблазн, — я так не играю. Она сильно умная для семнадцатилетней девушки.

— Это, смотря под каким углом смотреть, — ответил ему Демон, — если учесть, что теперь она моя, — демон замялся, подбирая правильное слово, и не определившись, так и оставил предложение не досказанным.

— В каком смысле я твоя? — поинтересовалась я.

— В каком сама захочешь, — ответил мне Демон, — ты сама прилюдно заявила, что по праву крови этот демон, то есть я, твой. Вот и определяйся.

— Это я такое говорила? — не поверила я.

— Ага, — ухмыляясь, подтвердил блондинистый брательник, — говорила, и кровью своей Князю весь паркет закапала. А Князь, между прочим, вампир. Думаешь, ему очень приятно на собственном балу слюной захлёбнуться.

— Я не нарочно, — попыталась оправдаться я, — так получилось.

— Не парься, — сообщил мне блондин, — дело то житейское.

— И что теперь? — только и смогла спросить я.

— Ничего, — ответил мне Демон, и взял за руку, — времени определиться у тебя более чем достаточно. Целая жизнь впереди.

— А этот, — кивком головы я показала на блондина, — тогда, зачем имя выпрашивает?

— А это у него от зависти, — сообщил мне мой Демон, — у нас с ним с детства конкуренция. Если у одного что-то появляется, то другому тоже срочно нужно.

— И всё? — не поверила я, — больше никакого подтекста?

— Никакого, — подтвердил улыбающийся блондин. — Знаешь, сколько у меня имён?! И не сосчитать! Каждая новая девушка, а они у меня всегда новые, старых соблазнять нет резона, так вот, каждая новая пассия считает своим долгом одарить меня каким-то «милым» имечком. Кем я только не был?!

Я прервал экскурс в интимное прошлое блондина и повернувшись к своему демону спросила: «А веревки, которыми тебя связывали, ему тоже были нужны?»

— И верёвки, и чувство стыда, и унижение, и членовредительство не реже чем два раза в год, — подтвердил Демон, — вот только от крыльев не отказываться я его ели-ели уговорил. Так он меня хоть иногда мог на себе переместить, особенно, после праздников, — выныривая из нерадостных воспоминаний, поведал мне демон.

— А прорывать пространство тяжело? — спросила я.

— Очень, — ответил Демон, — тяжело и больно. Сил уходит много, а времени на восстановление практически всегда нет.

— А давай ему тоже имя дадим, — предложила я, — раз у вас все должно быть одинаковое. Удивительно, что вы не близнецы. У тех всё и всегда должно быть одинаковое.

— Как это не близнецы? — удивился блондин, — Мы самые настоящие близнецы,

только я родился чуть-чуть раньше!

Я скептически посмотрела на совершенно разных парней и уверенно сказала: «Вы совершенно не похожи на близнецов».

Тогда блондин моргнул брату и передо мной появились два совершенно одинаковых шатена.

— Офигеть! — выдала я, — Теперь похожи, мать родная не отличит.

Затем шатены превратились в двух истерически рыжих парней, похожих друг на друга, как две капли воды, а затем оба стали знакомым мне брюнетом, только в количестве двух штук.

— Хватит, — попросила я, — всё, верю, что вы близнецы. Блондин возвращайся в свой светлый образ.

— А мне и так не плохо, — сказал в моей голове кто-то из этих двоих. Отгадай кто где.

— Вы такие одинаковые, — растерялась я.

— Ну, не одинаковые, — влез со своими пятью копейками блондин, который был сейчас брюнетом, и вещал мне непосредственно в мозг, — а очень похожие. Найдешь, кто из нас кто и можешь загадать любое желание.

— Я итак могу загадать любое желание, — сообщила я, вслух глядя попеременно, то на одного брюнета, то на другого. Новый Год сегодня! Забыл, зачем собрались?

— А ты всё равно найди, — парил мне мозги блондин, — найдешь, поцелую.

— Убью! — пророкотало очень грозное предупреждение.

Кто из них рычал я понять не успела, но то что теперь они оба испепеляли друг друга взглядами, было совершенно очевидно.

— Ладно, — согласилась я, — я попробую вас отсортировать, но никаких поцелуев.

Оба, одновременно вопросительно выгнули бровь.

— Без моего согласия, — решила я оставить всем нам иллюзорный шанс, непонятно правда на что. Но сейчас, это было совершенно не важно.

Я обошла сперва брюнета находившегося слева от меня, потом того, который находился справа. На мой неискушенный взгляд они были одинаково совершенны. Тогда я закрыла глаза и прислушалась к себе. Слева шел мощнейший призыв, такой как будто, кто-то тонет и зовёт на помощь, а справа... Справа я сначала ничего не почувствовала, и лишь прислушавшись к себе поняла, что оттуда идет едва уловимое тепло. Я подошла вплотную к левому демону и чуть не оглохла от нахлынувших на меня эмоций. Здесь были и просьба, и обещание, и обида, и чего там только не было. подойдя к правому демону я буквально почувствовала что меня окутывает тепло.

— Вот мой демон, — сказала я и открыла глаза.

— А я? А как же я? — капризно захныкал, вернувшийся к своему первоначальному виду, блондин.

— А тебе в качестве утешительного приза подарим имя, — предложила я, опираясь спиной на личного роскошного брюнета, — у тебя самого пожелания по поводу имени есть? — на всякий случай уточнила я.

— Нет, — мгновенно перестав капризничать, ответил блондин, — от тебя, я приму любое.

Я смотрела в его синие глаза и не могла ничего придумать. «Думай, голова, думай, — понукала я сама себя, — не может быть, что б ни одно имя ему не подходило». В голову лезла разнообразная скандинавская белиберда. А потом пришла гениальная, на мой взгляд,

идея и я воскликнула: «Есть. Есть имя. Ты будешь — Бонд».

У обоих демонов брови одновременно взлетели вверх.

— Это тот, который Джеймс? — уточнил Демон.

— В смысле, секретный агент 007, - поинтересовался блондин.

— Это, в смысле самое простое производное от слова Блонд. Нравится? — уточнила я.

— А ничего так, — пробуя новое имя на вкус, — улыбаясь, сообщил мне блондин, — вызывающе. То, что надо, — успокоил он, растерявшуюся меня.

— Надо было вас конечно Лелик и Болик назвать, — мстительно заметила я, — но кто ж знал, что имен понадобится не одно, а два.

Демоны улыбнулись мне как ребёнку, мягко и снисходительно.

— Идемте в гостиную, скоро полночь, — поторопил нас новоявленный Бонд.

— Да, — согласился Демон, — надо поспешить, а то Неждана может пропустить очень важную встречу.

— Это ещё с кем? — поинтересовалась я.

— Сейчас увидишь, — наклонившись к самому уху, прошептал мне Демон, а Бонд подмигнул, хитро усмехнувшись.

Мы вошли в огромную гостиную, где все танцевали и веселились. Музыка неслась из динамиков, заглушая все вокруг. Люди хаотично двигались, пытаясь попасть в сумасшедший, рваный ритм. Ди-джей, пританцовывая заводил танцующих все больше и больше. Мелодии сменялись одна за другой. Одним словом калейдоскоп. Я поморщилась, и это не ускользнуло от внимания Демона.

— Не любишь громкую музыку? — поинтересовался он.

— Не так, чтобы не люблю, — замялась я.

Демон приостановился, и вопросительно выгнув идеальную бровь, ожидая более полного ответа.

— Ты не думай, — начала я оправдательную речь, — мы с Васькой часто тусим с её друзьями. Она меня всегда с собой берёт, если у кого-то движ намечается. Там и танцы, естественно, и музыка громкая. Всё как полагается.

— Но ты больше любишь с родителями оставаться? — заглядывая мне в глаза, предположил Демон.

— Если честно, то да, — ответила я, — мне с ними комфортней. Вот и сюда я ехать не хотела. Даже расстроилась немного.

— Я знаю, что подарю тебе на Новый Год, — улыбаясь, как объевшийся сметаны кот, сказал мне Демон.

— И что это будет? — любопытствовала я.

— Это будет искорка страсти в твоей жизни, — радостно сообщили мне.

Вероятно, все мысли, которые я не успевала даже осмыслить, вихрем пронеслись по моему лицу. Демон, внимательно за мной наблюдавший, приобнял меня за плечи и шепнул в самое ушко: «Ничего не бойся. Страсти будет всего капля. Это сделает твою жизнь ярче и интересней».

— Ой, ли?! — вздохнув, выдохнула я.

— И не сомневайся, — уверенно сказал мне Демон. — Вот смотри, — продолжил он свою речь, аккуратно продвигая меня в одном ему известном направлении, — твой брат и сестра, твои родители, все они если чем-то увлечься, то буквально живут, горят этим. Это

и называется капля страсти. Она бодрит, разукрашивает твои будни яркими красками, прогоняет серость и уныние. Ты, Неждана, прекрасная девушка, — сказал мне мой персональный демон, — но слишком уж ты рафинированная как будто ты не двадцать первого века, а восемнадцатого. Жизнь прожить — это не кино из зрительного зала посмотреть

— Это плохо? — серьёзно спросила я.

— Нет, — ответил мой демон, — но можно и нужно попробовать по-другому.

Я не знала, что на это возразить, и не знала, нужны ли мои возражения.

Бонд, неотступно следовавший за нами, постоянно отвлекался на прожигающих его взглядом девушек. Каждой он дарил улыбку и надежду, каждой казалось, что именно она по-настоящему привлекла его внимание.

— Ты флиртуешь? — спросила я у парня, когда он в тысячный раз послал многообещающий взгляд очередной красотке.

— Возможно, — туманно ответил он.

— А меня так научишь? — тут же спросила я.

— А тебе зачем? — в два голоса поинтересовались братья.

— За надом, — сказала я, но понимая, что таким ответом от них не отвязаться, решила посвятить их в свои планы.

— Демон обещал подарить мне каплю страсти, — сообщила я Бонду, у которого от этой новости брови уползли почти к кромке волос.

— Дааа? — заинтересованно протянул Бонд, — очень интересно! И что?

— А я как-то совершенно не умею флиртовать, ну и там, всякое такое, — смущаясь, пояснила я, — а если я стану страстной, то мне наверняка понадобятся навыки флирта.

Оба демона переваривали полученную от меня информацию со слегка приоткрытыми от удивления ртами. Бонд уже набрал в лёгкие воздуха, чтобы что-то мне сказать, как за спиной послышалось насмешливое: «Вот видишь, Миша, к чему всё идет. Где появляется эта парочка. Обязательно жди неприятностей».

Я резко развернулась, чтобы увидеть говорившую такие возмутительные, на мой взгляд, вещи девушку, и нос к носу столкнулась с Серафимой.

Фима выглядела великолепно, длинное серебряное платье в пол, изысканная прическа, легкий, практически незаметный макияж. Она была чудо как хороша. Сопровождал девушку незнакомый мне парень невероятной красоты.

— Привет, поздоровалась я, — отлично выглядишь.

— И тебе привет, — ответила Серафима, — ты с ними?

Я кивнула, так как это была правда, и я целый вечер находилась в обществе братьев.

— Значит мы опоздали, — грустно сказала Фима.

— Куда? — поинтересовалась я.

— Не куда, а к кому, поправила меня девушка, — мы хотели первыми тебя найти и поздравить с Новым Годом, но теперь, я думаю, наши подарки будут неуместны. Кстати, познакомься, Михаил, — представила она мне парня.

— Миша — это Неждана. Она сняла наказание и освободила меня и демона Страсти.

— Значит старая вражда забыта? — улыбаясь, спросил Михаил.

— Думаю, что это невозможно, — ответила Серафима, — столько веков...

— Но попробовать стоит, — продолжал увещевать Миша.

— Я за перемирие, — решила без приглашения поучаствовать в разговоре.

— А ты и не враждовала, — сказала мне Фима, как по носу щелкнула.

— Демон, ты как? — тихо позвала я своего демона.

— Нормально, — ответил мне демон, — всё будет, хорошо. Не переживай, — и уже обращаясь к Серафиме, — Ты с подарком определилась?

— Думаю да, — ответила девушка, и глаза её лукаво сверкнули.

— Даже не думай, — нахмурился Демон, — ты же знаешь, демоны не умеют любить.

Девушка неопределённо пожала плечами.

— Если ты сделаешь её несчастной, — завелся с пол оборота мой демон, — я...

— С чего бы это мне делать Неждану несчастной? — прервала демона ангел, — нет, мой подарок не может принести несчастье никому на земле, а вот...

— Серафима, — прервал девушку Михаил, — не надо, — мягко попросил он. — Каждый из вас может преподнести Неждане, такой подарок, какой посчитает нужным. И ты тут Соблазн, — обратился он к отирающемуся рядом Бонду, — вообще-то не при делах. Вот спасет тебя девушка, тогда и будешь ей подарки дарить.

— А просто так нельзя? — поинтересовался Бонд.

— Нарушишь закон равновесия, — ответил Михаил, — ты можешь одарить человека только в том случае, если он тебе что-то подарил, причём от чистого сердца, а не по принуждению.

— Так она мне имя подарила, — тут же нашелся блондин, — я теперь для всех Бонд.

Серафима картинно закатила глаза, а Михаил удивленно посмотрел на меня. Я кивнула, подтверждая правдивость слов блондинистого братца.

— И что же ты собираешься ей подарить? — поинтересовалась Фима.

— Это наше с ней личное дело, — ушел в отказ Бонд, — никого кроме меня и Нежи не касается.

— Как ты её назвал? — взвилась Серафима, — Миша ты слышал? — обратилась она к своему парню.

— Конечно, слышал, — совершенно спокойно ответил девушке Михаил, — я так понимаю, это уменьшительно-ласкательная форма имени Неждана? — поинтересовался он.

Я снова кивнула, в знак согласия.

— Не вижу здесь ничего предосудительно, — вынес свой вердикт Михаил.

— А я вижу, — зашипела Серафима.

Но мне уже порядком надоели эти беспочвенные препирательства, хотелось праздника и подарков. Поэтому я, бесцеремонно перебив Фиму, обратилась непосредственно к Михаилу.

— Скажите Михаил, а Вы тоже ангел? — спросила я.

— Архангел, — лучезарно улыбаясь, ответил мне парень.

— А у Вас крылья есть? — продолжила я свои вопросы.

— Конечно, — ответил Михаил, — хочешь посмотреть?

Я кивнула и заморожено уставилась за спину Михаила. Там, у него за спиной, уже по настоящему, гордо реяли два огромных белоснежных крыла. Они были такие красивые. Нет. Не так. Они были такие великолепные, что от восхищения у меня навернулись слёзы на глаза.

— Вот это да! — восхищенно выдохнула я.

Мы каким-то волшебным образом оказались на широкой террасе, находящейся на самой крыше дома.

Я с непередаваемым восторгом в глазах посмотрела на всех присутствующих, желая увидеть их реакцию, и сама себе не поверила. Никто не восхищался удивительными крыльями. Никто, кроме меня, разумеется.

— Вы, что ослепли? — удивилась я.

— Нет, — ответил мне Михаил, — они просто привыкли.

— А у тебя, — обратилась я к Серафиме, — крылья такие же?

— У меня поменьше будут, — ответила мне девушка. Я же просто ангел.

— А у вас? — обратилась я к братьям, — какие крылья у вас?

— У нас крылья совершенно обыкновенные, — сказал мне Демон.

— Обыкновенные это, какие? — уточнила я, — как у птиц, или как у бабочек, а может обыкновенные крылья — это крылья стрекозы.

— Обыкновенные крылья, — сказал мне помрачневший Бонд, — это крылья обыкновенные. Как у летучей мыши. Видела? Вот, точно такие же, только больше.

— Хочу посмотреть, — сказала я.

— Хорошо, — вздохнув, сказал Демон, — я покажу тебе крылья. Но потом, позже, хорошо?

Я не стала спорить.

— Время, — сказал Михаил, — пора дарить подарки. Год сменяет год.

— Я дарю тебе лучик чистой и светлой любви, — сказала Серафима, и протянула от своего сердца к моему тоненькую золотую ниточку. Теперь, она навсегда останется с тобой. Помни, дорогая, чтобы не случилось любовь всегда в твоём сердце. Она согреет и поможет и простит и вдохновит. Будь счастлива, бесстрашная девочка!

Я услышала, как часы на городской ратуше ударили первый раз.

— Я ничего не могу подарить тебе, девочка, чтобы не нарушить равновесия, но я обещаю присматривать за тобой, оберегая тебя от страстей и соблазнов. И если тебе понадобится совет, просто прислушайся к себе. Твой внутренний голос, твоя интуиция никогда не обманут и не предадут тебя, — сказал Михаил.

— Спасибо, — прошептала я, — Вы так добры.

Часы на городской ратуше пробили ещё несколько раз.

— Давай дари, — сказал Демон Бонду.

— Давай ты, я ещё не определился, — ответил Бонд своему брату, — и не теряй время, его и так почти не осталось.

— Я подарю тебе, как и обещал каплю страсти, — сказа Демон, — и ещё ты всегда можешь на меня рассчитывать. Теперь, появляться в вашем мире мне будет проще. Твоя душа, для меня, как маяк в тумане. Только позови меня, и я приду, где бы ни был я, и где бы ни ждала ты.

Часы пробили уже десять раз.

— А я, — торопясь успеть, быстро говорил Бонд, — я, я подарю тебе полёт по ночному небу. Хочешь?

Я только успела кивнуть, как часы на ратуше пробили двенадцать раз. Новый Год наступил.

— Да будет так, — сказал Михаил.

Они, с Серафимой расправив свои белоснежные крылья, легко оторвались от крыши дома и взмыли вверх.

— Ну, ты и жук, братец, — взорвался Демон, — я сам прекрасно мог подарить Неждане

полёт по ночному небу.

— Мог, но не догадался, — веселился Бонд, — да ладно тебе, братец. Налетаетесь ещё, правда, Нежа. Зато мой будет для сестренки первым, да ещё и в Новогоднюю Ночь — дразня брата, хвастался блондин.

— Мне кажется, или кто-то обещал показать мне свои крылья? — спросила я, прерывая начинающий набирать обороты беспричинный спор.

Две пары чёрных крыльев разорвали ночное небо.

— Ух, ты, здорово! — восторженно выдохнула я, — Можно потрогать? — попросила я братьев.

Мне милостиво разрешили прикоснуться к крыльям, и я пропала. Крылья были такие бархатистые на ощупь, такие крепкие и упругие, что я, забыв о времени все гладила и трогала, рассматривала и изучала кожистые крылья братьев.

— Почему они стали другими? — спросила я, не переставая оглаживать чёрные крылья обоих демонов.

— Перистые крылья положены только ангелам, — ответил мне Демон.

— Ты раньше был ангелом? — спросила я, прижимаясь к своему демону.

— Мы раньше были ангелами, — грустно вздохнул Бонд, — правда, падшими, но всё равно ангелами. В Академии нас пытались перевоспитать.

— Разве возможно из падшего ангела сделать не падшего? — изумилась я.

— Говорят, любовь способна творить чудеса, — ответил мне Демон, мягко обнимая за плечи, — а у нас вместо перевоспитания получилось наказание.

— Так вот почему к тебе так строго отнеслись, — догадалась я, — ты им всю систему развалил. Не иначе как пара-тройка докторских диссертаций полетела чертям под хвост.

Демон уткнулся мне в макушку, и я отчётливо почувствовала, что он улыбается.

— Неждана, — позвал меня Бонд, — ты готова получить свой Новогодний Подарок и подняться со мной к звёздам.

— Да, — как замороженная кивнула я.

— Тогда полетели, — легко подхватив меня на руки, сказал Бонд, — а ты не скучай тут без нас, братец. Мы вернёмся, но не обещаю, что скоро.

— Вот ещё, — ответил Демон, — я лечу с вами. Мало ли, что в небе может приключиться, а у тебя руки заняты. Я буду защищать, и оберегать Неждану.

— Я надёжный защитник, — оскорбился Бонд.

— Конечно надёжный, — не стал спорить Демон, — но если я буду рядом, будет надёжней.

Никто не увидел, как в ночное небо поднялись два силуэта, постепенно превращаясь в невидимые точки. Два брата демона, осторожно, как величайшую ценность, несли по очереди хрупкую девушку, показывая ей мир с высоты птичьего полёта. А девушка, прижимаясь к могучей груди, точно знала, что всё будет хорошо и никто не нарушит равновесия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net